



Марш Турецкого

Фридрих Незнанский

**Кровавый песок**

«Автор»

## **Незнанский Ф. Е.**

Кровавый песок / Ф. Е. Незнанский — «Автор», — (Марш Турецкого)

Чтобы превратить тихий черноморский городок в международный курорт, нужно всего... два миллиарда долларов. Где их взять? Решение кажется очень простым — и полукриминальный бизнесмен подсылает к стареющей мультимиллионерше опытного жиголо... Но история неожиданно принимает новый оборот. Начинается цепь убийств — внешне невероятно простых, а в действительности — невероятно загадочных. Цепь преступлений, в которых ВСЕ подозревают ВСЕХ. Преступлений, раскрыть которые практически невозможно. И самое странное — кажется, одно из убийств вовсе не убийство...

© Незнанский Ф. Е.

© Автор

## Содержание

Москва 2000	5
Часть первая	12
Москва. Улица Неглинная.	12
Грязновы	17
Филя Агеев	18
Денис Грязнов	20
Филя Агеев	22
Канарские острова. Денис Грязнов	25
Филя Агеев	28
Тенерифе. Денис Грязнов	29
Москва. Денис Грязнов	32
Николай Щербак	38
Денис Грязнов	44
«Стервятник» улетел	50
Магнитофонная запись допроса гр-на Воробьева, задержанного по подозрению в убийстве сотрудника частного сыскного агентства Филиппа Агеева	51
Конец ознакомительного фрагмента.	53

# Фридрих Незнанский

## Кровавый песок

Москва 2000

### Пролог

*Как многие, Отец считал, что имя это больше чем фамилия. На всех документах я подписываюсь Роберт Клифланд Третий. Как и мой Отец, я занимаюсь инвестициями. Основы благосостояния нашей семьи заложил, Дед моего Деда, оба были пасечниками и обоих звали Джерри.*

Почему я вдруг оказался Третьим, если мой отец всегда звался Первым, в отрочестве объяснила мне Мать. После школы я регулярно ждал, когда ее серый «плимут» замелькает за полоской живой изгороди и с шипением повернет в мою сторону. В первом отрезке детской памяти, о котором я могу с уверенностью сказать, что помню себя, закрепились одна ее просьба:

«Сладкий мой, если чего и нужно бояться в этой жизни, так это тишины и машин. Поэтому обещай мне, что если ты даже абсолютно уверен в своей безопасности, пожалуйста, будь от этого подальше».

Ее водительские навыки отчасти подтверждали сказанное. Однажды мне пришлось нарушить наш уговор. Занятия закончились немного раньше, а мою подвесную скамейку, на которой дочитывались библиотечные книжки неожиданно, покрасили. Сидеть на траве я не позволял себе из-за врожденной брезгливости к неконтролируемому контакту с каким-нибудь пауком или гусеницей. Лучшим местом для наблюдения за дорогой и изгородью мне тогда показался невысокий бордюр, подпирающий тротуар. Когда среди дня пустел школьный двор, и улица перед школой практически вымирала, то в тихую погоду можно было услышать, как отправляется двухчасовой, Южно-Дакотский поезд. Наш городок называли крупным, но за много лет он так и не дотянулся до станции, и чтобы добраться до вокзала от места, где я сидел, без остановок на светофорах и при не слишком аккуратной езде требовалось не менее десяти минут. Обычно после отправления поезда появлялась Мать. Не помню точно, что-то меня отвлекло от дороги, но я очнулся от резкого вопля клаксона из оказавшегося в полуметре от меня хромированного автомобильного радиатора. За рулем сидела женщина, мало напоминавшая мою мать, она была чрезвычайно рассержена. *Солнцезащитные очки подчеркивали неестественный цвет лица: мертвенно-бледный.*

Женщина дождалась, пока я забрался на заднее сиденье, и ни слова не говоря, резко развернула «плимут». Мы ехали в противоположную сторону от нашего дома. Мама привезла меня на кладбище. Зачем, спросить не решался. Она включила ручной тормоз и, не поворачиваясь, произнесла:

«Оставь сумку и вылезай».

Я огляделся. Кроме нашего пикапа у кладбищенского забора расположились еще два больших, черных автомобиля. Мать взяла меня за руку и повела за ограду. С улицы казалось, что внутри совсем другой свет – как-то темнее. Это было не так. Судя по всему, мама не раз здесь бывала. Она не торопилась. Почти все надгробия были выше меня. Я старался смотреть под ноги, потому что опасался упасть в свежевырытую могилу, о всегдашнем существовании которой хорошо знал из детских страшилок. Тем не менее, это был не страх. Подобное чувство я испытываю и сейчас, когда попадаю на любое кладбище. Совокупность жизней собран-

ных судьбой за много лет на такой сравнительно маленькой территории превращает меня в ребенка...

Размеры надгробий уменьшились. Мама отпустила мою руку. Я поднял голову. Она покусывала губы, подмоченные влагой вытекавшей из-под очков. В каждой линзе я видел себя, стоявшего рядом с небольшим крестом. Мама, вдруг спохватилась и полезла в сумочку.

«Роберт Клифланд Второй» – был выбито на кресте, а в основании: «Мы никогда не забудем тебя, малыш. Прости нас. Мама и Папа». Обе надписи я прочел, раз по пять. Перебрав цифры, я понял, что родился через одиннадцать месяцев после его смерти, а сейчас был уже вдвое старше него. Мне пришлось догонять Ма. Ее левая рука была занята, в ней дымилась сигарета, она позволила взять себя за похолодевшую правую руку.

В сотне метров от нас в сторону выхода двигалась черная вереница людей. К воротам мы подошли одновременно. Мама придержала меня, чтобы пропустить их вперед. Шесть мужчин разного возраста и три женщины тихо переговаривались между собой на непонятном языке. Они немного смахивали на индейцев.

*Мать опять загнала меня на заднее сидение. Я спросил у нее, кто эти люди.*

«Я думала, ты спросишь меня что-то другое», – сначала ответила Ма.

Конечно, я должен был спрашивать о могиле, но не знал, как.

Она пристроила «плимут» за процессией черных авто и ответила:

«Твой брат очень любил тишину. Он постоянно затыкал себе уши. Я не заметила, когда это произошло последний раз. Его сбила машина».

Иностранцы повернули к вокзалу. Пока мы стояли на светофоре, Ма, сказала:

«Не знаю, твой отец говорил, что они из России. Кажется это русские».

Она больше не отвечала на мои вопросы.

*Отец был не прав. На кладбище мы видели армян. Настоящих русских я встретил через несколько лет в Нью-Йорке. У них была белая кожа, странные глаза и они понимали наши шутки. Их сетования об необъятных размерах русского рынка и залежах цветных металлов казались мне роскошной витриной плохо организованного прилавка. Но я не хотел торговать, я хотел иметь. Я хотел построить свою страну, свой мир и пусть в нем будет эта дикая русская охота и красивые, добрые женщины, о которых немало говорили мои собеседники.*

Утром я звонил Отцу. Старик активно осваивал шестой десяток. Я застал его под руками парикмахера. Он готовился к презентации запуска своего нового спутника. Наш разговор мог оборваться на каждой фразе. Длинных объяснений он не любил.

«Прежде всего, им нужны деньги». – Я закончил вводную часть.

«У них уже, что-нибудь есть?» – спросил Отец.

«Только визитки и карта».

«Карты?»

«Карта. Карта России с отметками районов перспективного вложения денег».

«И она уже у тебя?»

«Пока нет».

«Интересно посмотреть. Когда она будет у тебя, звони».

«Подожди, Отец! Они уже в самолете. Но мы договорились о встрече».

«Ты, так говоришь, словно уже забронировал билеты в Россию».

«Почти».

«Хм... Где ты там собираешься жить».

«Не знаю».

«Советую для начала построить себе гостиницу. Эти русские...Вряд ли у них есть что-то свое, приличное.»

«Я подумаю».

«Кстати ты обсудил свои планы с Марией?»

«Нет.»

«Тогда разбирай чемоданы».

Отец отключился, или может, это неловкий парикмахер подрезал невидимую волну сотового телефона. Он был прав, главным препятствием на моем пути станет мнение Марии, которое отец высоко ценил. Но я не считал, что она будет против.

Роберт Клифланд Первый очень привязан к моей жене. Пожалуй, больше чем я сам. В каком-то смысле союз с Марией трудно назвать браком, это скорее продолжительное и очень глубокое знакомство. Все, что я могу сказать о ней, я знал с самого начала, с первого дня нашего знакомства на университетской вечеринке. Гордая, целеустремленная и своенравная женщина. Все остальные сведения укладываются в одно слово и одно предложение. Она адвокат, и она родом из Праги. Ее родители политические эмигранты, они преподавали в университете, где мы познакомились. Говорить о себе, или о чем-нибудь произошедшем с ней более полугода назад, ей просто лень. У нее хорошая память, но все, что она задерживает в своей памяти, используется только для работы. Эта особенность, наверное, помогла растянуть наши отношения; за все годы активного делания карьеры мы не разу не произносили слова «семья».

Все изменилось со смерть Матери. Слово «семья», произнес Отец, когда вместе со мной на похороны приехала Мария. Перед гробом Матери хитрый старик взял с нас клятву выполнить первое желание, которое ему представится, как только закончится траур. Предчувствия меня не обманули. Желанием Роберта Первого было публично узаконить нашу связь. В общем, все было неплохо, хотя я опасался реакции Марии. Но Клифланд сыграл на опережение, решив установить своеобразный культ Марии: ее день рождения стал главным в нашей семье, ее друзья стали приглашаться туда, где им раньше ничего не светило, в конце концов, при любом нашем разногласии, отец принимал ее сторону. Поэтому я не удивился, с каким невозмутимым и благодушным видом моя подруга почитывала сценарий экзекуции, на которой ей предстояло расстаться со своим привычным холостым положением. К роскошной свадебной церемонии, Клифланд Первый расчетливо приложил набор презентов, которые я бы назвал даже не подарками, а скорее поучительными вложениями денег. Но самое главное отец выбрал верный момент и отказаться было нельзя. Старик подсознательно искал моральной сатисфакции за потерю жены и друга.

Будучи опытным инвестором, он понимал, что развитие проекта, напрямую зависит не столько от участников, сколько от геополитических условий, в которых они существуют. Чтобы окончательно подавить сопротивление, он устроил так, чтобы, мы, как минимум год, могли постоянно существовать хотя бы в одном штате. Мария неожиданно получила сразу несколько выгодных клиентов, проблемы которых требовали ее неотлучного присутствия в Нью-Йорке.

Для меня Отец приготовил более изысканную ловушку.

Не слишком богатый Инвестиционный фонд, в руководстве которым, я имел в меру обременительную должность, выигрывает тендер Госдепартамента на реализацию программы экономической помощи странам Восточной Европы. Соревнование за эту программу, было одной из моих многочисленных попыток проявить инициативу. И вот победа. Совет директоров с радостью вешает на меня всех собак. Мгновенно арендуется две приличных квартиры в Нью-Йорке и Вашингтоне. За пять лет совместной жизни Мария и я наконец-то проводим вместе ночь за ночью, утро, вечер и каждые выходные. Изредка нам позванивает Отец. Он без споров соглашается перенести день бракосочетания в связи с переездом и обустройством нового жилища. Следующую отсрочку исполнения приговора он взял на себя.

Клифланд Первый ввязался в проект глобальной спутниковой системы. Вскоре в мой Вашингтонский офис зачастили делегации из Восточной Европы. В основном, русские. Или, как у них там говорят, новые русские, кто их разберет.

Как я и предполагал, уехать в Россию в первый раз было гораздо проще, чем второй и третий. Два месяца жизни глаза в глаза утомили мою невесту. Она пошипела для приличия, но мнение выразила одобрительное.

Наскоро оценив столицу русских, я вспомнил совет Отца и начал подбирать площадку для возведения гостиницы. Оказалось, что в Москве все уже выбрано и ждали только денег. Я еще не успел наловчиться открывать замысловатые окна в квартире, арендованной на Кутузовском проспекте, как у моей гостиницы появились собственные окна. Когда на флагштоке перед парадным подъездом подняли американский флаг, мне показалась, что мир, который мне нужен, можно построить и здесь. Праздновать открытие отеля «Корона Республики» я отправился домой. Свадьбу пришлось отложить еще раз, потом еще и еще.

Три года просвистели, как три пули, угодив куда надо. За это время я открыл в Москве достаточно солидное представительство фонда, построил еще пару гостиниц у Черного моря (это на юге России), заложил бизнес двух радиостанций, расширил поставки американского оборудования и русского металла.

Теперь я считал, что научился вести дела в этой странной стране. Самое главное я наловчился заранее определять, с кем надо делиться и в какой последовательности. А здесь это действительно самое главное! Если допускать, чтобы люди просили сами, то отдавать приходилось много больше, и в самое неподходящее для расходов время. В среднем я появлялся в России, три-четыре раза в год, но раз от раза срок моего пребывания многократно увеличивался. Последствия задержек приходилось гасить долгими телефонными разговорами с Марией. И всякий раз я отбивался забавной русской поговоркой: «Долго запрягают, но быстро ездят».

Однажды я переборщил так, что моя вечная невеста серьезно испугалась и поехала в Москву. А просто оказалось, что целую неделю я не выходил на связь, мои русские партнеры утащили меня на охоту. В их жизнь охота вошла в привычный развлекательный пакет, для меня же она осталась экзотикой, поэтому я согласился.

Русские объяснили: чтобы прилично поохотится даже в такой огромной стране, все равно нужно забираться очень далеко. Телефоны в такой глуши бессмысленны, да их намеренно не берут, из соображений как прагматических (чтобы не потерять, не утопить, не сжечь в костре), так и физиологических (отдохнуть от дел). Не могу сказать, что я хорошо освоил стиль общения русских, но законы тесных, дружеских компании во многих случаях интернациональны. Без добычи возвращаться – дурная примета, значит, зверя надо ждать, сколько он того захочет. Так и выбралась целая неделя.

Известие о том, что Мария подлетает к Москве, застигло меня, как только наши машины появились в пределах кольцевой дороги. Кто-то из охотников все-таки взял с собой мобильную трубку. Времени, чтобы привезти себя в порядок уже не оставалось, поэтому мои товарищи вызвались проводить меня в аэропорт и как-то поучаствовать. Три джипа, эффектно заштыкутуренных грязью, изменили курс. Мы успели.

Мария явно переусердствовала в просмотре программ CNN. *От трапа «боинга» ее сопровождали три одинаковых «шкафа», так говорят в России о телохранителях со специфическими достоинствами. «Шкафы», завидев на своем пути подозрительную группу людей, одетых в камуфляж, немного заволновались и сгруппировались вокруг Марии. Я осмотрел своих спутников. Неделя походной жизни сгладила наши отличия и теперь мне самому, предстояло сделать первый шаг навстречу грозному эскорту. Мои товарищи мгновенно разобрались, кто является нашей целью, и двинулись за мной. Телохранители напряглись. Нас разделяло не более шести метров. Каким-то образом Мари наконец вычислила меня и разрядила ситуацию. Из-за покатых плеч своих защитников и завопила:*

«Роберт, бога ради, они думают, что ты – русский!»

«Шкафы» беззвучно раздвинулись и выпустили в мои объятия благоухающую парфюмом чешскую американку. Запустив руки в мои волосы, она прошептала:



«Так как ты жив! Эти ребята работают за твой счет. Не вздумай спорить. Сам виноват». Отстранившись, она произнесла фразы для моих друзей, жгучие, как кипятки:

«Как дела товарищи? Меня зовут Маша. Привет».

Все звучало с сильным акцентом, но никогда прежде, ни во сне, ни в бреду, ни перед газетным киоском, ни при каких условиях, моя жена-невеста не произносила ни слова даже по-чешски.

Ожидаемого скандала я все-таки не получил. Она потребовала показать Москву, организовать обед в моих апартаментах, к тому времени я уже снимал скромный особнячок в поселке Сокол. Я оставил нам один джип, остальные уехали принимать цивилизованный вид. В бритве и душе мне было отказано. Судя по всему, тот, на кого я был похож, Марию устраивало.

До первых признаков голода мы без остановок кружили по городу. Мария с любопытством царапала свои нежные ладони о мою щетину и очень редко смотрела в окна. За обедом она заявила, что вечером летит обратно, я попытался уговорить ее остаться, на что она ответила.

«Дурачок, ты хочешь, моей смерти. Каждый час в этой стране сокращает мою жизнь. Твою, кстати тоже, просто ты не хочешь это признать».

Странно это было слышать. Не могу сказать, что все этапы моей работы в России проходили гладко. Пару раз портили машину, причины – два неудачных угона. Последний раз вору повезло. Машину быстро нашли, но правда, с полностью выжженным салоном. Деловые конфликты с конкурентами, органами порядка и прочими гасились моими русскими партнерами, по договору эти проблемы они брали на себя. К тому же, территория нашего представительства хорошего охраняется. Тем не менее, ежедневное существование рядом с охранниками в любом количестве я не допускал, естественно, за исключением неожиданного приезда Марии. Три «шкафа» пополняли объемы желудков в соседней комнате.

Мне захотелось сменить тему.

«Мария, откуда ты знаешь русский?»

«Ты видимо уже забыл, какое количество русских разговорников раскидано по нашему дому».

Этого я действительно не помнил.

«И не вспоминай, я все сожгла».

До вылета последнего самолета в Нью-Йорк оставалось часа три. Следующий был только утром. Я попробовал отвлечь Марию, напомнил о сувенирах, которые накупили мои люди, по ее списку. В результате строгой сортировки у меня осталась ровно половина. Мария свалила «лучшее» в пустой чемодан и выпалила.

«Поехали...»

Мы возвращались в Шереметьево. Отмытый от грязи джип оказался «лэндровером». Мария оставила охранников при чемоданах, а сама направилась в зал прилета. По аэропорту прозвучало объявление о посадке рейса из Франкфурта. Жена-невеста прислонилась к таксофону, и мы стали чего-то ждать. Минут через пятнадцать у проходных турникетов замаячили прилетевшие пассажиры. Наконец она вспомнила про меня.

«Роберт, я смогу спокойно уехать, если буду уверена, что твоя жизнь в надежных руках.»

«Ты хочешь сказать, что сейчас мы встречаем какие-то надежные руки?»

Не ответив Мария, вдруг замахала руками. От группы одинаково благообразно одетых европейцев отделился неприметный человек и зашагал к нам такой же неприметной походкой. Мария поздоровалась с ним первой. Следующей была моя очередь.

Мария улетела, как обещала, этим же вечером. На прощанье она прошептала:

«Боби, ты же знаешь, все, что я люблю, можно пересчитать, на пальцах. И я не хочу, их терять. Послушайся, пожалуйста, мистера Шайдлека. Кстати, твой папа нас скоро удивит».

Мистера Шайдлека Мария представила, как своего бывшего клиента, а также очень авторитетного специалиста, которому ничего не надо платить. В машине я у него поинтересовался за что не надо платить. Он ответил:

«За беспокойство».

«Можно конкретнее?»

«Моя профессия – научить клиента самостоятельно предупреждать опасность на два, три шага вперед».

«А если, допустим, я сам не знаю куда отправляюсь?»

«Тогда это буду знать я», – отрезал приветливый Джон Шайдлек и уставился на летящую за окном ночную Москву.

Знакомство с Шайдлеком, значительно расширило мой кругозор. Оказывается, жизнь в отдельном доме опасная штука. За два последующих дня, он уговорил меня усовершенствовать пассивную и активную охрану дома. Некоторое оборудование заказали в России, но основное пришлось выписывать из Германии. Пока заказ выполнялся, Джон взялся за меня. В течении месяца, без скидки на усталость, два – три часа каждый вечер отдавалось на лекции-беседы о проблемах охраны бизнеса. Я словно учился заново ходить, водить машину, смотреть на людей, а также делать то, что раньше не приходило мне в голову. Например: машину нужно парковать все время в разных местах, а перед тем, как открыть дверцу – заглянуть под капот для проверки на наличие взрывного устройства. Как-то я подумал, что меня элегантно вписывают в агентурную сеть, и поделился этими соображением с Марией. На другом конце планеты ехидно засмеялись и сказали:

«Джон мне говорил, что его работа – выявлять агентов, а не плодить. И потом он мне обещал вернуть тебя домой в целости. Я буду любить тебя даже завербованным».

Ее ирония раздражала. Традиционно Мария интересовалась моим возвращением, а я традиционно отшучивался. Теперь судьба проектов, на которых я собирался зарабатывать, решалась на самом высшем уровне, и успех или не успех некоторых касался бюджета всей страны. Одновременно увеличивалось количество государственных чиновников и комиссий различных уровней, которых приходилось проверять на прочность. Без иронии: в конце концов, многие сдавались, а срок определялся суммой. Поэтому проснуться под подозрением в шпионаже мне совсем не хотелось. Мария уговорила меня ничего не менять. Наши занятия растянулись на месяц. В день, когда Шайдлек запустил ток в последнюю линию обороны моего особняка, на моем столе, вместе с утренней почтой, появилось свадебное приглашение.

«Мистер Роберт Клифланд Первый и Мисс Соня Канни имеют честь пригласить вас на свое бракосочетание». Я держал в руках официальное желание Отца имплантировать в себя лоскуток молодости. Папа действительно удивил.

По телефону Мария, подтвердила содержание приглашения и то, что меня ждут. Точнее нас. Для Шайдлека приглашение дублировалось. Только в Америке выяснилось, что все это бессовестный обман. *Мария сговорила с отцом. Малой ложью они хотели выманить меня из России и наконец запустить процесс нашего собственного бракосочетания. Я психанул и полетел обратно.*

Честно говоря, я и сейчас не имею ничего против. Метание между континентами немного поднадоело, но бросать все немедленно было бы преступлением. Шайдлек, кстати, в Америку со мной не летал, у него были какие-то дела в Москве. Но по возвращении я его почему-то там не обнаружил. Впрочем, оно и к лучшему. Не дожидаясь, пока Шайдлек вновь замаячит за моей спиной, и, не задерживаясь в Москве, вылетел в Анапу. Там на побережье Черного моря, должны были собраться крупные люди. Главным событием сходки объявлена закладка символического камня в строительстве курортной зоны международного класса. Лично меня там не ждали, я и так уже сделал достаточно для этого проекта: поговорил кое с кем в Вашингтоне,

рассказал кое-что в Москве, открыл карту, нашел место, посчитал деньги и вот опять есть, за что выпить. Кстати, я давно уже не пробовал крепкие напитки.

В заключение банкета ко мне подошел мой давний, московский знакомый, консультировавший меня о порядках в российских деловых кругах. Он был не один. Его спутник много слышал о моих успехах и когда я вдруг появился собственной персоной, он решил не упустить случай. Узнав, что мне нет нужды рассказывать о себе, я спросил, чем занимается этот человек.

«У нас на Кавказе занимаются всем понемножку. В основном, я работаю с людьми, – ответил тот, оглядел окружающих, дал знак официанту и добавил: – С хорошими людьми».

Он был похож на какого-нибудь подрядчика, вербовщика рабочей силы или сутенера. Для подрядчика, впрочем, он достаточно сносно владел английским, для вербовщика обладал неделанным обаянием, а для сутенера – был терпелив и многословен. Подошел официант с подносом с разлитыми по трем бокалам винами. Мои собеседники взяли по бокалу. Третий предназначался мне. Меня ждали.

«Пригубить, не пить», – ободряюще заметил мой московский знакомый.

Я освободил поднос. Кавказец (кажется, он чеченец, хотя какая разница) произнес тост за знакомство и через два глотка предложил закрепить дружбу на охоте в местах, где не ступала нога человека.

После прилета Марии я зарекся злоупотреблять подобными приключениями, но сейчас меня ничего не связывало. Если бы все происходило в Москве, можно было еще выкрутиться, но на Кавказе, как меня предупреждали, отказ приравнивается к оскорблению. Я замешкался. Тут же мне предложили ружье, приоритет в выборе трофея и третий бокал. Теплая, ароматная жидкость собралось в моем теле, накопив энергию сравнимую с силой, раскручивающую взведенную пружину или напором горячей водой разрезающей многолетний лед. Видимо настало время устроить себе небольшой отпуск. Свое решение я пообещал объявить утром, и поменял тему разговора. Черт меня дернул поделиться с партнерами своими проблемами о выборе крыши на предстоящую ночь. Гостеприимный Саша, так звали кавказца – тут же предложил свой дом. Слово «да» было написано у меня на лбу.

Через два часа я лежал в мягкой, просторной, чуть прохладной постели. Предчувствуя приближающийся сон, я лениво разглядывал предоставленную мне комнату и размышлял, в какой последовательности буду высылать в Москву свои будущие охотничьи трофеи.

Первыми я думал послать рога. Потом приехать самому и привезти головы, но однажды в аэропорту я видел, как грузчики неаккуратно запихивали в фургон перевозки громадные рога. Их чуть не сломали. Поэтому лучшим вариантом было послать сначала голову, законсервированную в формалине, а потом явиться самому, с рогами. Тем более, что Саша говорил, что в Москве чучельники лучше, если же дело затянется, кавказец пообещал отдать мне оленя, который висел сейчас над моей головой. Но этот меня не очень устраивал. У него был слишком злобный вид, а мой олень должен улыбаться. Я попытался представить личико моей жены-невесты в момент получения свадебного подарка, потом натянул одеяло на самую голову и стал слушать тишину.

## Часть первая

### Москва. Улица Неглинная.

#### *Контора частного сыскного агентства «Глория».*

– Если еще раз на компьютере появиться «Дум», я, без всяких вопросов, по сотне баксов с каждого слуплю. И гейм овер! Понятно?!

Но трое крепких, зрелых мужчин, к которым обращалось грозное предупреждение (Десидов, Агеев, Щербак), тупо, смотрели в одну и ту же сторону – на светящийся экран монитора. Там ни кто в ни кого не стрелял. Но действия, производимые за компьютером четвертым человеком, их по-настоящему заворожили. Он был настоящим ассом. И он единственный отозвался на угрозу.

– Ладно, Денис, не шуми. Хочешь, я тебе в машину вирус занесу? Он все эти «думы» и «квэйки», как конфеты кушает.

Денис повернулся к монитору. Из всей компании ему одному не сиделось, хотя именно он был здесь начальником.

– Нет, Макс, не надо мне твоих вирусов. Здоровье и так ни к черту. Лучше скажи, заказчика моего проверил?

– Кгхм, – отозвался тот, ловко пощелкивавший клавиатурой и мышкой. – Повторю, что и предполагал. Клиент серьезный. Фамилия миллионерская. Деньги у них есть, а то, что они твои услуги через Интернет покупают, так это за бугром обычное дело.

– Шансы, что нас кинут?

– 50 на 50.

Несколько слов о помещении, в котором происходил этот разговор. Оно действительно дислоцировалось в агентстве «Глория», но если в само агентство можно было элементарно попасть с улицы, спустившись на цокольный этаж, то сюда можно было добраться лишь по узкой винтовой лестнице, вход в которую осуществлялся через... шкаф в кабинете Дениса Грязнова. Далее нужно было еще пройти по узкому и немного жуткому коридору, затем всунуть в какую-то щель пластиковую карту, и уже тогда только стена раздавалась на прямоугольный проем, через который посвященные попадали в двадцатиметровую комнату. Там буквой «п» на столах громоздились двенадцать (!) компьютеров, составляющие три замысловатых локальных сети. Ими управлял один человек по имени Макс.

Макс сам попросил Дениса отвести ему это место. Говорил, что только этот подземный кошмар стимулирует у него виртуальное мышление, раз уж вообще приходится являться на работу.

С год назад, Денис с помощью своего старого приятеля сделал в Интернете сайт «Глории». Собственно, это была полностью идея Макса, тому позарез нужна была «крыша», под которой он смог бы спокойно рекламировать свои хакерские услуги. Что-то вроде профилактики компьютерных взломов. «Проверка корпоративных сетей на вторжение извне. Восстановление разрушенных систем. Выявление редких вирусов, вакционирование», – так было заявлено на сайте «Глории». Детективное агентство со своей стороны обязывалось хранить полную коммерческую тайну и отвечать за качество работ. Кроме новой услуги, Денис, получил классного специалиста, который, в одиночку, буквально не сходя с места или не выходя из дома, способен добыть и проверить массу полезной информации. Разумеется через Интернет. Впрочем, что значит «получил»? Редкое крупное дело «Глории» за последние пару лет обходилось без активного (хотя и виртуального) участия Макса.

Из-за Интернета, собственно, весь оперативный состав агентства, и присутствовал в конторе, а точнее, в подвале, с самого утра. Сегодня, если верить полученному письму, Денису и коллективу предлагалось выполнить вполне обычную работу под пунктом: «Доставка и сопровождение ценных грузов в пределах Москвы». Необычность ситуации состояла лишь в том, что письмо было электронным и соответственно анонимным. Электронный заказчик просил обслужить в столице некую ценную посылку. Кроме этого, в письме предлагалось перечисление аванса в случае принятия заказа со стороны «Глории». Перевод основного гонорара гарантировался по факту прибытия посылки в точку назначения.

Денис почти сразу же ответил согласием, но в душе все-таки сомневался, слишком это напоминало проделки конкурентов. Для себя он решил, что если в течение трех дней ответа не будет, значит – туфта. Неприятные сомнения длились почти сутки. Вчера утром, в рабочем порядке проверяя счетчик посещений на своей интернетовской странице, он обнаружил сообщение из двух волшебных слов:

*«go to bank»*

Изменения, постигшие банковский счет «Глории» волновали, но, по-настоящему, будоражил воображение размер гонорара, который еще предстояло заработать. Для проверки Денис немедленно позвонил в свой банк. Менеджер подтвердил свежий перевод трех тысяч «зеленых». Денис, с трудом подавил ликование и заказал «обналичку». Сегодня утром он наконец-то выдал людям давно обещанную зарплату.

Осознание того, что эти деньги могут быть частью чьей-то коварной игры против молодого детективного агентства, пришло не сразу. При таком раскладе только хакерский промысел Макса, помог бы вовремя вычислить опасность.

Макс слыл компьютерным монстром и как все, ныне известные, компьютерные монстры, считал обычную жизнь примитивной. Он противопоставил ей свой собственный регламент и требовал от окружающих его неукоснительного соблюдения. Во многом, благодаря Интернету, это ему удавалось. Постоянное нахождение в домашних стенах и щедрая стряпня матери, быстро перевела хрупкого первоначально студента в тяжеловесы, а нынешнее свое состояние он сам называл «невыездным». Поэтому, заставить «монстра» притащиться в офис «Глории» было равносильно подвигу, и Денис его совершил.

Он оглядел своих мрачнейших работников, наклонился к Максy и шепотом попросил «посмотреть еще разочек, может, все-таки пришло?». Макс, брат великана Гаргантюа, покачав огромной головой, накрыл пухлой дланью хрупкую серую «мышку» и через несколько секунд известил:

– Что-то есть!

Под троицей, сидящей за спиной хакера, скрипнули стулья. Филя Агеев и Коля Щербак выпрямились, а Демидыч, наоборот сник и окунулся в сон, он жил в двух часах езды на метро и электричке, поэтому просыпался раньше всех. Природа взяла свое. Не помог даже «taster choice» разорительно-растворимый кофе, который Денис приобрел на радостях, по случаю крупного заказа.

Надо сказать, заработать на приличную жизнь в сыском агентстве последнее время стало делом непростым. Бархатный сезон слежки за неверными жена и мужьями канул в небытие. Страховые компании еще не успели хорошенько ошпариться на недобросовестных клиентах. Детальная проверка коммерческих партнеров от взаимного недоверия к друг другу – работа хлопотная и не всегда рентабельная по затрачиваемым финансовым и моральным ресурсам. Так и вышло, что единственный, более-менее, постоянный заработок в последние два месяца, который Денис предоставлял своим людям, был, когда хозяева какого-нибудь супермаркета или рынка убеждались в необходимости отлова магазинных воров. Гораздо более

значительные, но все же редкие деньги приносили скрытное наблюдение за госчиновниками, которое Денису иногда предлагали вести в приватном порядке, а также сопровождение или перевозка конфиденциальных, а значит ценных грузов.

Сейчас предстояло нечто подобное. Макс уже выяснил, что их заказчиком является некий Роберт Клифланд или его люди. Да, тот самый Клифланд, третий по счету и единственный наследником мультимедийного магната. Наследник уже много лет имеет в России собственный и процветающий бизнес.

Денис набрал телефон московского офиса американца.

На том конце провода заиграла «Маленькая ночная серенада» Моцарта и бархатный, женский голос убедительно произнес.

– Вы соединились с компанией «Директ инвестменст», нам нужен ваш звонок, поэтому, пожалуйста, дождитесь ответа оператора или наберите ноль, а после сигнала – добавочный номер в тоновом режиме.

Денис Грязнов прослушал сообщение еще два раза, наконец серенаду прервали.

– Гуд монин, спик плиз. Ту ю лисен.

Особа, поднявшая трубку, у явно гордилась своим произношением, но разговаривать с явно русской девицей по-английски Денису было не с руки, и он сунул трубку Щербаку. Коля, натренированный как овчарка, мгновенно уловил задачу по однозначному жесту Дениса: продолжительное движение указательного пальца против часовой стрелки.

– Здравствуйте, барышня, подождите минуточку, сейчас с вами будут говорить, – произнес он таинственным, гипнотизирующим баском.

Все стали ждать.

На излете сорокпятой секунды пошевелился Демидыч. Денис прикрыл микрофон рукой и произнес с отработанным кавказским акцентом:

– Аллю!

Через минуту разговора он знал, что шеф в отпуске, вернется через неделю, что никакой груз в свой адрес они не ждут, но что в компании есть люди, которые могут принять посылку. Развеселившаяся секретарша игриво заметила.

– Если это не бомба, конечно!

«Кавказец» хотел промолчать, но не смог.

– Нэт, дарагая! Бомбы кончилис, остальис толко розы!

И Денис дал отбой.

Макс протянул ему распечатанное сообщение, присланное три минуты назад. Увидев первые строки, Денис, почувствовал, что отлегло. До этого момента никто в такие легкие деньги не верил.

*«Ваше согласие большая удача для меня, –*

*начал переводить вслух Денис.*

– Надеюсь, полученный вами аванс, даст возможность легко выполнить мое поручение. Как я уже сообщал, мои друзья не будут заезжать в столицу, поэтому вам предстоит встретиться с ними недалеко от города. Место, время и остальные условия встречи они сообщат вам через электронную почту. Вторую часть гонорара, – семь тысяч долларов, —

*эти цифры Денис не произнес, дабы не волновать коллектив, —*

немедленно перечислят на ваш счет, как только с любого компьютера в моем офисе будет отправлено сообщение: груз дома. Если вас интересует содержание моей посылки, то это – охотничьи трофеи. Заранее благодарю за работу. Ваш Роберт».

Вышедший из сна Владимир Афанасьевич Демидов уловил только последнюю фразу и выразился первым.

– Это он получается браконьер, а Денис Андреич?

Денис решил подождать, чтобы высказались все. Следующим загудел вопрос Щербака:

– А сам-то он где?

– Кажется, на Кавказе. Может, в горах. Макс раскрутил, – ответил Денис.

– Подстрелил снежного человека. Вот и решил забрать на память. Не выкидывать же трофей, – мудро пояснил молчавший до того Агеев.

– Ты, Филя, особо не фантазируй, – поморщился Демидыч. – Там в горах кроме людей зверья всякого хватает. Медведи, лисицы, олени. Может, он благородного оленя уложил. А у него рога знаешь, какие бывают?

Заядлый охотник (поболее даже заядлый, чем сам Грязнов-старший) Демидыч был родом из Архангельской области. Вместе с Филей Агеевым воевал в Афганистане. Был женат, но разошелся, квартиру по широте душевной оставил жене и дочери, а сам жил в Заветах Ильича, что по Ярославской дороге, в отличном деревенском доме, который когда-то приобрел по настоянию экс-супруги. Кстати, все тот же Вячеслав Иванович Грязнов в бытность свою директором-основателем «Глории» очень любил париться у Демидыча в баньке, построенной собственными того руками. И даже уже заработав в «Глории» приличные деньги, Демидыч упрямо не хотел покупать себе квартиру в городе. Говорил, что деревенский воздух отлично прочищает мозги. Хотя, чего греха таить, не за интеллектуальные таланты, его пригласили работать в частное сыскное агентство.

– Владимир Афанасьевич, ты тоже начал... Тормози. Говорить только по существу.

Денис знал, что если не удержать Демидыча, то разговоров об охоте хватит еще на два часа. Демидыч поджал губу. Слегка за сорок, выглядел он как борец-классик, причем заматеревший тяжеловес. Не так устрашающе, как допустим, Александр Карелин, но все равно впечатляюще. И при немалом весе и внешней тяжеловатости Демидыч ничуть не утратил быстроты реакции и по-прежнему был отменным оперативником.

– По существу, дело пахнет керосином, – заключил Щербак.

– Ты, Макс, что скажешь?

Грязнов-младший сейчас остро нуждался в стороннем советчике. Хакер плохо вставал на это место, но все же, в их компании, он оставался вечным новичком. Макс, в первый раз оторвался от монитора и благодарно закивал головой за предоставленное слово.

– Контакты продуманы очень толково. Вариант, что нас кинут, исключать не стоит. Но так, как аванс у нас на руках, и забрать его уже не смогут...

**«Московский комсомолец»,**  
хроника происшествий.

Вчера в Северном Бутово были арестованы двое молодых мужчин, оказавшихся соответственно директором частного сыскного агентства «Глория» Денисом Грязновым и оперативным сотрудником того же агентства Николаем Щербаком. Господин Грязнов, находившийся за рулем, принадлежавшего ему джипа «форд», нарушая правила дорожного движения, агрессивно преследовал микроавтобус «Газель», двигавшийся в сторону Московской области. А господин Щербак при этом беспрерывно стрелял

в воздух. Насмерть перепуганного водителя «Газели» от распоясавшихся «суперагентов» спасли только случившиеся рядом сотрудники ГИБДД.

После чего под задним сидением «форда» был обнаружен расчлененный женский труп. По поводу происхождения которого были даны какие-то невнятные и нелепые «объяснения».

У «доблестных» сыщиков взяли анализы на алкоголь и наркотики, результаты которых нашему источнику, к сожалению, пока неизвестны.

Родственник Дениса Грязнова высокопоставленный милицейский генерал Вячеслав Грязнов от комментариев воздержался.

**«Коммерсантъ»,**  
криминал.

Вчера в Западном Бирюлево был задержан директор детективного агентства «Глория» Д. Грязнов и его сотрудник Н. Щербак, получавшие груз для фельдгерской доставки.

Как выяснилось позже, во время снятия предварительных показаний, водитель «газели», некто Костюкевич П.П. был простым курьером, не имевшим понятия, что он везет. Некое лицо кавказской национальности (предположительно чеченец), вступившее с ним в сделку, заплатило Костюкевичу пятьдесят долларов за то, что он подвезет к условленному месту ящик и передаст его из рук в руки частному детективу Грязнову. Но Костюкевича, очевидно, бес попутал. Легко заработав полсотни «зеленых», он, возможно, вообразил, что в запечатанном ящике лежат сокровища гораздо более несметные, и решил его вскрыть.

Вскрыв же, обнаружил отрезанную мужскую голову.

Отвезти ящик в милицию Костюкевич почему-то не решился (испугался чеченца?), а вместо этого, заколотил крышку обратно и повез груз по договоренности на место встречи с частным сыщиком Грязновым. Но, передавая груз, он так нервничал и так стремился поскорей уехать, что Грязнов, не знавший, что Костюкевич тоже выполняет роль курьера и не может его никуда привести, что-то заподозрил и решил проследить его путь.

Шоссе было пустынным. Костюкевич слежку заметил, психанул, надавил на газ, и слежка тут же превратилась в погоню. Которую, спустя десять километров, пресекли сотрудники ГИБДД. Они проверили документы у обеих сторон и, обнаружив в машине сыщиков деревянный ящик, немедленно вызвали саперов.

Спустя час ящик был вскрыт. В нем оказалась отрезанная мужская голова, еще совсем недавно принадлежавшая американскому предпринимателю Роберту Клифланду, президенту компании «Директ инвестменст». Той самой компании, куда охранники из «Глории» и должны были доставить ценную посылку. Причем Грязнов утверждает, что и заказ перевезти в офис «Директ инвестменст» охотничьи трофеи (а именно так был назван груз) исходил непосредственно от Роберта Клифланда.

На время следствия с Дениса Грязнова взята подписка о невыезде.



## Грязновы

Денис играл в «дум». Потом завалил всех монстров и, пройдя все уровни, переключился на «квэйк». Там мерзавцы были покруче, но и с ними директор «Глории» справился без особых проблем. Увидев, как шеф вышел на самого свирепого страшила, плюющего электрическими разрядами, с одним топором и завалил его тремя ударами, даже многоопытный Макс почесал затылок и сообщил остальным сотрудникам:

– Сегодня его лучше не трогать.

Денис сидел в своей любимой позе: ноги покоились на блоке полторолитровых бутылок минеральной воды. Которые все убывали и убывали. Когда у Дениса был стресс, он накачивался минералкой. К телефону не подходил. Сотовый отключил. Поэтому трубку ему принес добряк Демидыч.

Звонил Грязнов-старший.

– Денис, – сказал он неожиданно веселым голосом, – на этот раз ты отвертелся от электрического стула. На ящике нашли отпечатки пальцев одного чеченского деятеля, который действительно головы режет. По кличке Татарин.

– Чеченец-Татарин? – недоверчиво переспросил Денис.

– Ага. Чего в жизни не бывает. Так что все проверили и подписку о невыезде с тебя сняли. А это что значит?

– Что, дядя Слава?

– Вали из города к чертовой матери! – зарычал на непонятливого племянника начальник МУРа. – Отдохни недельку другую. Переседи всю эту суету. Пусть пыль уляжется, и Татарина за жабры возьмут. Не дай бог он что-то против тебя лично имеет. Уловил?

## Филя Агеев

Объяснить ему это было просто невозможно. Ну в самом деле! Прожженный детектив, в прошлом – опер угро, но упрямая скотина, Колька Щербак, уперся рогом и – обиделся, вообразил, что мы с Демидычем зажали его заработок и грубо отпихнули от общей кормушки... А на самом-то деле – все наоборот! Но все по порядку.

Дело было так. У Дениса в кои-то веки объявилась богатая клиентка. Собственно, это была клиентка Юрца Гордеева, адвоката, который вел ее бракоразводный процесс. Вел-то он его вел, да только начать никак не мог. По причине наличия отсутствия ответчика, мужа то бишь, ее, богатой клиентки. И короче, насоветовал он ей нанять частного детектива, чтобы мужа поскорей найти, силком притащить в суд и там с ним, с болезным, немедленно развестись. Та, значит, лопухи от такой радужной перспективы развесила и тут же согласилась. А Юрка, не дурак, уже ей Дениса подсовывает. Из чувства корпоративной с нами, безработными, солидарности. Не живого Дениса, конечно, а фигурально то есть, наше агенство предлагает. Вот, дескать, «Глория» – первейшее заведение по розыску пропавших супругов. Ну баба-то не возражает, зато Денис – в амбицию. Открытым текстом не говорит, но я-то вижу, по хитрой его грязновской роже читаю: дескать, как это я такой из себя интеллектual буду свои извилины распрямлять об супружеские дрязги?! Может так он и подумал, да сказать – ничего не говорил, поскольку, чего греха таить, дела нашей «Глории» последнее время были не шибко хороши, и срубить деньжат нам бы не помешало. А как Гордеев фамилию клиентки назвал, Денис и вовсе побледнел, да и у Демидыча со Щербаком челюсти поотвисали: пропавший муж оказывается... что говорить, кто ж про него не слышал. Короче гонорар наклеивался неслабый.

Все это так, если бы не одно обстоятельство, довольно таки тухлое. Нельзя сейчас Денису высовывать ни в какую – после этого скандала с головой американца газеты никак не успокоятся. Даже дядя его, который там был ни сном ни духом, чуть из своего генеральского кресла не вылетел. (Хотя «ни сном ни духом» – конечно, относительно, поскольку именно Вячеслав Иванович-то в свое время и был отцом-учредителем нашей «Глории»). Вот и насоветовал Грязнов-старший племяннику пока что тише воды ниже травы себя вести. А еще лучше – укатить из города, даром, что подписку о невыезде в Генпрокуратуре у него не брали: «важняк», можно сказать, совсем свой попался, Турецкий ему фамилия. Да Денис и сам квелый ходил. Сам не мог понять, чего хочет. А как это дельце подвернулось, сразу понял – что уж не вкалывать хочет, это точно. Ну, Денис – парень не бедный, шмотки собрал и в аэропорт. А нам, значит, халтурку оставил. И правильно, не маленькие, сами разберемся.

Остались мы вдвоем в конторе: я, да Щербак с Демидычем. Макс – не в счет. Он – мозга, компьютерный гений, ему не положено задницу от стула даже на миллиметр отрывать. Есть в «Глории» еще кое-кто, но на службу им как нам, детективам-оперативникам, каждый день являться не обязательно. В общем, мы с Демидычем посмотрели на Щербака, потом – друг на друга и говорим ему: ты мол Коля, съезди на рыбалку, отдохни, ты же любишь подледный лов, а мы уж тут сами как-нибудь разберемся. Тот в момент расчиховался. Мы даже с Демидычем не ожидали такой реакции. А я еще добавил: «Ты мол, Колян хоть и оперативник опытный, о все ж таки мент – до мозга костей, а здесь нужна наша косточка, афганская». В общем, какую-то такую чушь спорол. А что было делать? Не говорить же прямым текстом: «Извини, Колян, у тебя же день рожденья через неделю, а мы в конторе никак бабки тебе на новую тачку не соберем. И даже на неновую – тоже. Уже и присмотрели джипец, какой ты хотел – „зубару“, да все равно не хватает, уже и Денис с Максом свою долю внесли, а все равно – никак. Так что подожди, дай нам возможность спокойно заработать и получишь на день рожденья себе джипец»?!

Или все-таки надо было сказать? Не сказали, короче. Щербак, ушел, дверью хлопнул. Все кричал: «Не могу в такое поверить! Ну вы и куркули!»

Да, фиг с ним, порыбачит, отойдет. А нам за работу пора.

## Денис Грязнов

Денис сбросил куртку, плюхнулся в кресло и вытянул ноги, насколько позволяло тесное пространство. Суeta в аэропорту, прохождение таможни и бесцельное ожидание объявления на посадку, – все это порядочно изматывало. Слава богу, на этот раз он едет отдыхать, а не работать. По прибытии в свой отель Денис планировал просто поваляться от души, поплевать в потолок. Конечно, большинство туристов кинется смотреть на море и прочие достопримечательности, но сувенирные лавки никуда не убегут. Ему лично активной жизни и в Москве хватает.

Он с интересом, хотя скорее, по профессиональной привычке оглядел салон самолета. Публика как публика. Люди едут отдыхать. Конечно, Канары не Крым, но и не Ницца, так что миллионеров навскидку не обнаружилось. Правда, вряд ли человек скромного достатка может позволить себе провести недельку-другую на Тенерифе. Было несколько семей с детьми. Это огорчало. Против детей Денис, собственно, ничего не имел, но шум в самолете совсем не располагал к расслаблению.

– Мама, мама, можно я сяду у окна? – громко верещал мальчишка лет восьми. – Можно я сяду у окна? Можно я сяду у окна? Можно я сяду у окна?

– Делай, что хочешь, только не морочь мне голову, – услышал Денис его мамашу.

Ага, мамаше лет тридцать пять, типичная женушка при состоятельном муже. Она пыталась пристроить свою сумку, и ей было не до сына.

– Мам, почему всегда он! Я тоже хочу! Почему ему у окна, а я? – Тут же раскричалась сестрица, на вид чуть постарше.

Тут же разгорелся семейный скандал, но Денис уже отключился. Его внимание привлек мужчина средних лет, у которого в руках вместо классических спортивных и туристических сумок был строгий кейс, а через руку – переброшенный кожаный плащ. Он проплыл по проходу, оставив после себя волну дорогого одеколona. В сопровождении стюардессы он прошел в хвост, в отделение для курящих.

«Кто бы это мог быть? – Денис по привычке анализировал окружающих. – Явно тип летит по делам, иначе бы не надел офисный темно-серый костюм. Интересно, какие дела могут быть на Канарах? Прилететь из московской зимы к морю и не затем, чтобы искупаться – хуже и придумать нельзя...»

– Молодой человек, может вы нас наконец пропустите?!

Денис поднял глаза. Две девушки нетерпеливо постукивали пальчиками по спинке кресла.

– Наши места у окна, – зачем-то объяснила ему брюнетка. Про себя Денис тут же окрестил ее «Кристиной». Почему-то именно это имя приходило ему в голову, глядя на подобных девиц – стройная, с мальчишеской фигурой, очень короткой стильной стрижкой. Явно знает себе цену, очень уверена.

Денис встал, пропуская их к окну. Его кресло было рядом с проходом, но он, в отличие от мальчика-соседа, совсем не рвался любоваться облаками. К самому окну села вторая барышня. Она его заинтересовала: длинные русые волосы, голубые глаза, отменная фигура, но никаких сравнений с мальчиком на ум не приходит. Как говорится, кто скажет, что это мальчик, пусть первый бросит камень. Только странно она себя ведет, будто сильно нервничает. Когда-то Денис прочитал, что все люди делятся на «динамиков» и «статиков». «Статики спокойные, как сядут, или лягут – так и замрут. Почти не жестикулируют, предметы и собеседников не трогают. И есть их полная противоположность – динамики». Людям такого типа надо постоянно двигаться в пространстве. Они то дергают ногой, то ерзают на стуле, то хватают все, что подвернется под руку, крутят пуговицы, волосы и кольца. Эта девица совсем не походила

на «динамика». Ее лицо было совершенно неподвижно, слегка надменно, сонное выражение глаз... И только руки не могли лежать спокойно. Она то барабанила по подлокотникам, то дергала себя за пальцы, как будто проверяла их на прочность. И при этом сидела совершенно неподвижно.

Денис так засмотрелся на ее руки, что сначала не услышал голоса «Кристины»:

– Вы не поставите мою сумку наверх?

Он снова встал, поднял довольно-таки тяжелую сумку, нашел наверху свободное место и затолкал ее.

– Вы боитесь летать? Или мне так кажется? – спросил Денис у второй девушки. Обычная беседа, лететь долго, тем более, они легко могут оказаться в одном с ним отеле. Грех терять такую возможность.

Но девица просто посмотрела сквозь него и ничего не сказала. Вообще. Ни «да», ни «нет». Посмотрела и отвернулась. Зато «Кристина» улыбнулась, словно извиняясь за поведение подруги, и раскрыла какой-то женский журнал.

Ясно дают понять, что общаться не желают. Хотя обычно барышни, отправляющиеся отдыхать без мужского сопровождения, знакомятся довольно легко. Но, собственно, нам-то что за дело? Нет – и не надо...

Проснулся он, когда стюардессы сновали по проходу. Вообще-то, есть еще не очень хотелось, но лететь еще очень долго. Потом добираться из аэропорта до отеля. И не бежать же сразу в ресторан. Он поневоле прислушался к диалогу.

– И что у тебя есть? Не, этой пукалки не надо... Так, еще чего? Ага. Давай это... пива.

– Извините, пива нет.

– Нет пива? – изумился голос. – Да ты че!

Денис выглянул в проход. Ну ясно, толстая шея, золотая цепь. Просто герой комиксов. Денис частенько прикидывал, как через несколько лет появятся мультики, где вместо бетмэнов и мистеров плохих будут действовать новые русские персонажи. А что, у Бэтмена маска – у новых русских черные очки. У тех плащ, у наших – малиновый пиджак. Ну а цепь – это всегда, это обязательный атрибут. НРБ (новый русский бандит) без золотой цепи – все равно что Бэтмен – без нагрудного мышиноного знака.

Интересно, что у него за спутница. Не один же этот хмырь едет отдыхать. Одиночества эти хмыри не любят. С денисова места спутницу НРБ было не разглядеть, только лишь мелькнули темные волосы. Из-за бритой головы протянулась тонкая рука с длинными ногтями, покрашенными в черный цвет, рука взяла стакан с соком из рук проводницы. Наверное, какая-то моделька. Нынче НРБ и начинающая модель – такая же неразлучная парочка, как Дед Мороз и Снегурочка.

Денис опять задремал и, как выяснилось, не дремал, а изрядно проспал, поскольку проснулся на этот раз от дружного «Ура!». Пассажиры радовались благополучному приземлению. Все-таки бояться люди высоты, и ничего удивительного, особенно для фанатов телевизора. Авиакатастрофа уже не воспринимается как чрезвычайное событие, а значит, может произойти в любой момент.

## Филя Агеев

Закопавшись по горло в песок, я ждал рассвета.

Бесконечно огромный бархан медленно просыпался. Попискивали тушканчики, суетились в поисках пищи песчанки, проворно сновали по еще прохладной поверхности ящерицы. Пустынная мелочь радовалась, что пережила самое страшное для себя время – ночь, когда кобры и гюрзы, песчаные удавчики и прочие гады ищут добычу. Само собой, будет очередной закат, а за ним опять ночь. Но счастливая мелкая живность об этом не думает, вволю наслаждаясь относительной безопасностью длинного дня.

«Все-таки надо было уходить ночью, – думал я. – Плевать, что каждый шаг здесь слышно за километр. А то и два... Догнать меня они бы не смогли, открыли бы на шум пальбу, только боезапас истратили». И тут же сам себя опроверг. Каких бы размеров ни была пустыня, она – неподходящее место для ночных бросков. Особенно, если учесть плотность проживающих опасных гадов.

Когда я, наконец, выбрался из едва теплой серой массы, то сразу озяб. Песок все же защищал от ветра, хоты и заметно охладился за ночь. Распластавшись, как лягушка, я ползком двинулся к кромке бархана. Осторожно выглянул. Там, внизу, наплевав на все существующие правила маскировки и просто на здравый смысл, всю ночь курили и гоготали преследователи. Их было шестеро. Некоторые приводили в порядок одежду и оружие: «калаши» и маленькие самодельные «борзы» (автоматы чеченского производства), у одного был армейский карабин. Другие готовились выполнить намаз, совершали омовение.

«Метров двести-двести пятьдесят, – прикинул я. – А где же седьмой? Если рыщет вокруг... Хреново...»

Я снял с предохранителя свой АКМ, с откидным, десантного типа, прикладом, придвинул почти под себя. Сзади тихонько хрустнула колючка, возмущенно чирикнув, взлетели воробьи. Я обернулся. И вовремя. На него в упор смотрело напряженное лицо с прищуренными поволчьи глазами. Рядом, над соседней, нависающей кромкой песка. Человек поднимался, одновременно вскидывая висящий на плече автомат. Ствол угрожающе шел вверх, в моем направлении. Заросший трехдневной щетиной рот оскалился. Уголки губ сжимали тлеющую папиросу. Пахло анашой.

«Первая дневная, – мелькнула мысль. – Возможно, последняя...»

В следующий миг я стремительно подбросил тело вверх и метнулся вперед. Рука противника потянулась к затвору. Раздался щелчок. Зловещий и однозначный в своем звуке. В прыжке я выставил АКМ стволом вперед, словно хотел колоть штыком. Но штыка не было.

Я резко ударил стволом под челюсть. Стальная трубка разорвала кожу и глубоко вошла в человеческую плоть. Раздался хруст, голова мужчины откинулась назад, роняя изо рта папиросу. Ноги, словно были сделаны из ваты, подкосились, и он безвольным кулем грохнулся на песок. Не издав ни звука.

«Так вот ты какой, седьмой».

Я опять распластался, выглянул из-за кромки.

Развернувшись в редкую цепь, преследователи двигались в его сторону. Шесть озверевших от затянувшейся погони «воинов ислама».

И я огромными прыжками понесся вниз, проламывая верхний слой слежавшегося песка, оставляя на чистом склоне видимые издали следы. Нужно было как можно быстрее укрыться за очередным барханом, прежде чем преследователи доберутся до господствующей высоты, позволяющей вести огонь на поражение.

Оставалось метров двадцать до спасительного места, когда сзади затрещали автоматные очереди. Гулкое эхо наполнило изгибы и складки песчаного рельефа. Но свиста пуль слышно

не было. Это говорило о неправильном прицеле: трудно определить расстояние и выбрать соответственно точку наводки, если нет привычных ориентиров. Я завернул за подножие бархана.

«Теперь наверх! Не останавливаться. Они не ждут встречи, надо подпортить гадам настроение».

Бегом, ползком, на четвереньках по осыпающемуся, скользящему из-под пальцев песку я устремился к вершине. Достигнув, повалился, приводя в норму дыхание.

«Воины ислама» подтянулись к подошве бархана.

Я взял гранату, глянул вниз. Преследователи бежали, громко переговариваясь, оставляя за собой глубоко взрыхленный песок, будто тут проскакал табун сайгаков. Бегут дурни вперед напролом, как стая волков, уверенная в себе и мало что соображающая в военной тактике. Все как на ладони...

Я выдернул кольцо и метнул металлическое яйцо через голову. Темный предмет упал под ноги долговязому верзиле, находившемуся в центре.

Черно-желтый столб песка взметнулся вверх, рассыпался смертельным дождем, пополз серой массой пыли вокруг.

Я высунулся, оценивая причиненный ущерб. Нога, голова и бесформенная масса, бывшая когда-то туловищем, разбросаны вокруг дымящейся воронки. Остальные части лихого «воина» полетели, видимо, на службу к Аллаху. Рядом ползал толстый коротышка и жалобно скулил, лицо – сплошное кровавое месиво.

«Уже не боец», – решил я и тут же отпрянул.

По кромке песка защелкали пули. Оставшиеся боевики залегли и открыли ответный огонь, не позволяя поднять голову, не говоря уже о том, чтобы прицелиться.

Наконец, стрельба ослабела. Расстреляв магазины, «воины ислама» перезаряжали оружие. Я перевел автомат на одиночные выстрелы, поудобнее устроился, выбирая цель. Один из преследователей приподнялся на коленях, пытаясь дотянуться до отлетевшего в сторону магазина. Попасть в него оказалось легче, чем в лежащих.

И я вновь растянулся на песке. И... проснулся от нехватки воздуха...

Разлепил глаза и ничего не увидел. Наконец, сообразил, что с головой укрыт одеялом. Рывком сбросил его и тут же получил приличную дозу яркого утреннего света. Зажмурился, а когда опять, но уже не спеша, постепенно привыкая к заливающим комнату солнечным зайцам, приподнял веки, сразу же захотел вернуть их обратно... Перед ним стоял маленький злобный клоун, густо, а поэтому безобразно размазанный красной, фиолетовой и голубой красками. Он протягивал ко мне ручки с короткими темно-зелеными ногтями и говорил голосом дочки:

– Папа, просыпайся. Мама пошла за молоком. А я уже есть хочу. Ну же, вставай же, пап, вставай, вставай, вставай!

Теперь я окончательно пришел в себя.

– У нас сегодня бал-маскарад?

Дочь заморгала большущими, как у Барби, ресницами.

– Меня Вовик пригласил в гости.

Вовик был белобрысым соседским шкетом. И имел способность приводить Настю в неопишуемый восторг.

– Я думаю, он тебя не узнает. А мама очень-очень рассердится. А я хочу спать.

– Так что мне делать? – она выглядела поникшей и растерянной.

– Все просто. Умыться.

– Да-а?!

– И побыстрее. Пока она не вернулась.

Дочь умчалась, громко шлепая босыми ногами по полу.

Я сидел на постели и вспоминал сон. Шевельнулось какое-то внутреннее чувство, холодком обожгло живот...

Ничего не бывает просто так.



## Канарские острова. Денис Грязнов

Воздух Тенерифе накрыл его горячей волной. На взлетно-посадочных полосах он таял и мерцал. Большинство пассажиров, кому не посчастливилось сдать свои теплые куртки и пальто провожающим, смотрелись странно с зимней одеждой в руках. Организм перестраивался к новому климату.

Паспортный контроль Денис прошел быстро, но багаж пришлось подождать. Ну, багаж, конечно, громко сказано. Он не привык таскать с собой много вещей, но средних размеров сумка получилась.

На выходе увидел девушку с табличкой в руках. Около нее уже собрался народ. Тут же скакал шумный мальчик из самолета. Они с сестрой устроили скачки с препятствиями: с разбегу прыгали через сумки и чемоданы. Его соседки по самолету были тут же. «Кристина» разглядывала табло прилетов, а ее подруга сидела на сумке. Руки у нее больше не держались.

Чуть в стороне стоял НРБ. Он пожевывал потухшую сигарету и что-то рассказывал своей спутнице. Денис с интересом ее рассмотрел: черные волосы, ярко накрашенные губы, в тонких пальцах тоже незажженная сигарета. Эффектно. Жаль только, черные очки закрывают поллица. Откуда-то выскочил юркий молодой человек и повел всех к автобусу.

«По такой жаре без кондиционера коньки отбросишь», – с тоской подумал Денис, забираясь в прохладный салон автобуса.

– Дамы и господа, размещайтесь, пожалуйста, нам придется немного подождать тех, кто задерживается, – жизнерадостно объявил молодой человек-гид. – Не беспокойтесь, через 15 минут поедем. – И он ускакал в сторону аэропорта.

Подруга бандита сидела наискосок от Дениса, и он любовался ее экономичными плавными движениями. «Похожа на кошку», – подумал он, и в этот момент она повернула голову и в упор уставилась на него. Некоторое время темные стекла очков безразлично фиксировали его, Дениса, ничтожное существование, потом она отвернулась.

«Жаль, что девица не одна. Отпуск не прошел бы напрасно,» – меланхолично подумал Денис и поискал глазами своих соседок по самолету. Те сидели через два ряда от него и не разговаривали. Денис подумал, а знакомы ли они вообще? С чего это он вообще взял, что они подруги? За весь путь они не обменялись ни словом. Но ходят вместе, как шерочка с машерочкой.

Тем временем, прошло уже не четверть часа, а добрая половина. Прибежал взмыленный гид с очередной порцией пассажиров, растолкал их по свободным местам, и с криком «Сейчас уже едем, еще минутку» ускакал обратно в здание аэропорта. Люди уже устали, даже дети не шумели, а просто тихо ныли. Все было как-то очень по-советски.

Денис знал, что багаж с разных рейсов (а большинство рейсов на Тенерифе чартерные), выдают с порядочным разрывом по времени, и пока всех не соберут, автобус никуда не уедет. Но остальные, похоже, были не в курсе. НРБ встал и решительно двинулся на выход – курить. Или жевать незажженую сигарету, кто его знает. За ним потянулись другие. Девушка в очках осталась на месте, что-то читала. Похоже, путеводитель по Канарским островам.

Вернувшегося гида встретили криками, общий смысл которых сводился к одному: «Когда же, наконец, поедем, холера тебя возьми?!» Несчастный гид слабо пытался отбиться, но тут к нему угрожающе подплыл НРБ:

– Слушай, командир, ну ты чисто запарил нас держать в автобусе. Давай, в натуре, чтоб через пять минут поехали, понял?!

Парень явно не в первый раз имел дело с подобными типами, потому что тут же закивал, в две минуты распишал людей и вещи, и они действительно поехали.

– Тенерифе входит в группу Канарских островов...

Тут Денис почему-то вспомнил, что не видел по прибытии мужчины с кейсом и кожаным плащом.

Гид, тем временем, разливался соловьем. Он рассказывал, как и где можно менять деньги, как пользоваться медицинской страховкой, как арендовать сейф в отеле, предложил несколько экскурсий и сообщил массу совершенно бесполезной информации о культурных особенностях Канар. Пока туристы выгружались, гид осчастливил их приглашением на вечерний коктейль.

Получив от портье ключ, Денис остановился подождать лифт. На рецепшн подошел бандит с подругой.

– Мистер... Арсений Гвоздиков и мисс Марина Нервозова, номер 303, – портье протянул им ключ.

«Через номер от меня», – отметил Денис.

Сперва приняв душ, он распаковал вещи. Кое-какие ценные мелочи загрузил в сейф. С полчасика повалялся, просматривая свежую прессу. А потом пошел гулять.

Россыпь кафе, сувенирных лавок, шум на улицах, автобусы, ловко лавирующие среди машин... Жаркое синее небо, чистое море, феноменально мягкий песок на пляже окончательно примирили его с земным существованием. Денис окончательно расслабился. Москва осталась где-то там, за этими кучерявыми облаками, и нереальными сейчас выглядели и Гордеев с его проблемами, и заснеженный московский офис. И слава богу.

К семи часам Денис пополз к отелю. Тупое туристическое существование – вот что ему сейчас надо. Поспать, поесть, поползти на море, бездумно поваляться на пляже. Через пару дней можно будет, отоспавшись, заняться и активным отдыхом – водные лыжи, подводное плавание, мотодельтоплан, все дела. Потом обед, бокал-другой отличного вина, не больше, интересные девушки и танцы до упаду в каком-нибудь баре. Все как в рекламном проспекте. Вот программа-максимум на ближайшую неделю. Он, конечно, знал, что дольше пяти дней подобного режима не выдержит, начинает лезть на стенку и искать приключений себе на пикантное место, но сейчас мечтать о ничегонеделанье было очень приятно.

На коктейле Денис сразу нашел глазами свою девушку. Марину. Ну, и не свою, конечно, а этого, НРБ. Как его... Арсения Гвоздикова. Сени, значит.

Марина переоделась, и даже сняла свои темные очки. Глаза у нее оказались зеленые, длинные, действительно кошачьи. Она стояла у стола с шампанским. Черные короткие штанишки, короткая прозрачная майка. Сквозь черную вуаль просвечивает грудь.

Денис с трудом оторвал от нее взгляд. Да, вот это незадача. Ну что ей стоило приехать с подругой? С какой-нибудь «Кристиной». Кстати, а где она?

«Кристина» с другой девицей сидела за столиком неподалеку. Денис уже устал удивляться тому, что они все время вместе и все время молчат.

– Добрый вечер, дамы! Разрешите принести вам по бокалу шампанского? – Он в шутилом полупоклоне склонился над столиком девушек.

Русоволосая, как всегда, заторможенно посмотрела и ничего не сказала, только рожу кислую сделала.

– Спасибо, у нас все есть, – с трудом улыбнулась «Кристина».

Повисла неловкая пауза.

– Послушайте, ну неужели вы меня прогоните второй раз? – взмолился Денис. – Я тут один, совсем один. Вот посижу с вами пять минут, и вы поймете, что я не кусаюсь. Кстати, меня зовут Денис.

«Кристина» оценивающе на него посмотрела и кивнула на пустой стул. И тут произошло самое замечательное.

– Кристина, – представилась она.

День чуть не свалился со стула, на который толком не успел и сесть. Вот те на, ткнул палец в небо и угодил в «яблочко». «Кристина» – Кристина!

Несмотря на то роковое совпадение, разговор шел через пень-колоду, «Кристина»-Кристина улыбалась, кивала, но глаза у нее были холодные. Она сказала, что они с Мартой (так звали вторую) приехали отдыхать, но на экскурсии, пожалуй, не поедут. Лучше возьмут машину и покатаются по окрестностям сами, посмотрят на кратеры вулканов. Ее подруга сидела, демонстративно отвернувшись. Странные, однако, девчонки. «Перестань, – сказал он себе. – Ты никак не можешь выкинуть из головы свои заморочки. Но тут ты не сыщик, а московский бледнолицый на отдыхе.» Но что-то мешало перестать обращать внимание на девушек. Возможно, просто потому, что обычно с женщинами он знакомился легко и просто, и было непонятно, почему тут такой пролет?

Он купил у гида обзорную экскурсию по острову, рассудив, что настоящий турист должен же куда-то ездить и что-то смотреть.

Бугай Сеня вел светскую беседу на предмет аренды машины. Похоже, париться самому ему не хотелось. Пара зеленых купюр перекочевала в потную ладошку молодого человека, и гид согласно кивал.

– Как насчет шампанского? – раздался сзади чуть хрипловатый голос. Денис обернулся и обалдел. Марина протягивала ему полный бокал и иронично улыбалась.

– Мне кажется, вы неудобно себя чувствуете.

Денис осторожно взял у нее из рук бокал.

– Это так заметно? Или у вас сработал материнский инстинкт? – весело спросил Денис.

– Не-а. Просто вы так откровенно меня разглядывали... А потом отвернулись. А кроме меня, разглядывать в этом зале некого, разве что эту сладкую парочку, но, похоже, вы не в их вкусе.

– А вы самоуверенны, Марина! – Денис был слегка уязвлен.

Она пожала плечами, достала очередную тонкую сигарету, подождала, пока он щелкнет зажигалкой, затянулась:

– Я ведь даже не представилась, а вы знаете, как меня зовут.

– Логично.

– При чем тут логика? Один голый женский инстинкт, и больше ничего. Вы мне пытаетесь льстить. А, ладно. Спокойной ночи! – И вдруг пошла к своему приятелю, взяла его под руку и потащила на выход.

– Значит, договорились, братан! – крикнул НРБ-Сеня gidу. – Завтра в одиннадцать!

## Филя Агеев

Домой я вернулся так поздно, что даже рано. Утром, короче. Сутки провел на ногах и устал как сволочь. То, что Демидыч, скорей всего чувствовал себя аналогично, не слишком радовало. Результаты наши пока что были нулевые.

Я открыл дверь своим ключом и, ступая на носки и не зажигая свет, прошел гостинную, механически забрел на кухню, глянул на плиту, в холодильник: что там жена приготовила. Ничего не приготовила. А! Тут только вспомнил, что на два дня, забрав ребенка укатила к матери, в Долгопрудный. Ну что ж и к лучшему. Я в три глотка выдул поллитровую пачку кефира и не раздеваясь, брякнулся на диван.

...Длинные и короткие автоматные очереди буравили гребень, секли кустики, поднимая настоящую песчаную бурю.

Я скатился вниз. Пробежав по небольшому каньону, попал в расщелину. Пальба за спиной не утихала, подсказывая, что догонять его еще не бросились. А стрельба вслепую – недопустима глупость, этому учат еще при прохождении курса молодого бойца. «Воины ислама» оказались самоучками.

Обогнув подряд несколько барханов, я взобрался на показавшийся более высоким. Обзор не принес положительных эмоций. Низко пригнувшись и озираясь по сторонам, преследователи сжимали полукольцо облавы. Они предусмотрительно растянулись довольно широко. Выстрелив в одного, я обнаруживал себя и сразу же подставлялся трем другим.

Но я все же выстрелил. Чернобородый гигант выронил «борз» и схватился за плечо. Воздух наполнился треском автоматов и вырываемым пулями песком. Только сейчас к этому шуму примешивался другой, нарастающий сзади и сверху. Я поднял голову.

Хищно наклонив нос, прямо на него неслась боевая «вертушка». Рядом упала и закружилась на месте граната. И почти одновременно из торчащих штырей вертолета брызнули искры огня.

Оглушительный грохот накрыл как толстым одеялом. Вырвавшееся из его плена сознание отметило отсутствие любого шума, даже от вращающихся лопастей приземлившегося вертолета. Ко мне бежали и так же беззвучно кричали какие-то люди в пятнистой форме.

Я узнал Дениса Грязнова. От него немного отстали Щербак и Демидыч. И даже Макс в кои-то веки выбравшийся из своего подвала догонял всю компанию далеко сзади. Да откуда они здесь?!

Ватное одеяло опять накрыло меня, на этот раз еще плотнее, лишая возможности видеть, слышать и чувствовать.

## Тенерифе. Денис Грязнов

Дальше пошло абсолютное безделье. Денис следовал программе, равномерно поджаривался на пляже, полоскался в море, символически пригубливал спиртное. Пару раз видел в отеле Марину. Естественно, она была не одна. Она никак не показала, что они знакомы, и Денис справедливо решил, что у Сени вряд ли бы улучшилось настроение, если бы он узнал об их знакомстве.

Утром он вышел рано, не было еще восьми. Хотелось побродить по городу, пока жара не загонит ближе к воде. Выходя из очередной лавки, он заметил синий новенький «порш»-кабриолет. «Неслабая машинка», – подумал Денис и тут только увидел рядом с машиной Марту. Она что-то быстро говорила водителю, тот кивал. Потом Марта бросила на заднее сиденье свою зеленую сумку, кстати, ту самую, с которой была в самолете, и как будто тоже собралась последовать за ней, но передумала, повернулась и зашла в здание супермаркета. «Порш» уехал.

«Похоже, у девчонок местные друзья».

Но сюрпризы на сегодня, только начинались. Когда он доплелся до любимого кафе на пляже, мечтая о чашке зеленого чая со льдом, его любимый столик с видом на море оказался занят. Марина, да еще одна!

– Прекрасная погода сегодня, – за неимением лучшего вступления начал было Денис, но она прервала его взмахом руки:

– Пить будете?

– Между прочим, это мой любимый столик! – деланно возмутился Денис.

– Заметила. – Она подождала, пока Денис сделает заказ, выяснив у официанта, что такое «кальсотс». Оказалось, луковички, жаренные на углях. От лука с раннего утра Денис благополучно отказался.

– Я смотрю, вы знаете испанский?

– Чего я только не знаю... – искренне вздохнул Денис. – А почему вы сегодня одна? Неужели ваш мужественный спутник оставил вас на растерзание горячим южным парням?

– У него дела. Кто ж ему даст просто отдохнуть. Сеня Гвоздь – известное шило в...

– Кто?! – поперхнулся кофе Денис. – Какой Гвоздь?

– Сеня. Только не вздумайте назвать его Гвоздем. Для посторонних – Арсений Петрович.

Они разговорились. Оказалось, что Марина – хозяйка цветочного магазина. По всей видимости, куплен он был не на ее деньги. К великому сожалению Дениса, о Гвозде Марина отзывалась хоть и немного насмешливо, но с явной теплотой.

Они прекрасно провели время до обеда, катаясь на маленьком катамаранчике, купаясь и болтая. Потом Марина попрощалась.

– Развлечения – развлечениями, но обедать она будет с Гвоздем, – пробурчал расстроенный Денис.

В отеле он столкнулся с Кристиной и Мартой. В лифт вошли вместе.

– У ваших друзей отличная машина, – не удержался таки Денис.

Девушки переглянулись.

– Какая машина? – впервые за несколько дней открыла рот Марта.

– Синий «порш»-кабриолет. На таком, пожалуй, приятно прокатиться с ветерком! – Нет, все-таки с Мартой явно что-то не в порядке. Как говорится, человек с неадекватной реакцией.

– Спасибо, – процедила Кристина-«Кристина», и они вышли из лифта.

– Не за что, – вдогонку ответил Денис. Ну ничем не угодишь этим девчонкам.

Вечерняя программа прошла, как обычно, с пением под караоке, пивом и обсуждением футбола с компанией английских парней из Манчестера. Излишне говорить, что ребята оказались жуткими фанатами «Манчестер Юнайтед».

Ближе к часу ночи, изрядно уставший, Денис заполз к себе в номер. Сбросил обувь, включил свет...

- Ты всегда заставляешь женщин ждать?
- Где Сеня? – только и смог спросить Денис.
- Как обычно. Работа позвала в дорогу.. Так и будешь стоять столбом?

Утром, как и следовало ожидать, Марина исчезла. Когда Денис проснулся и посмотрел на часы, стало ясно, что на сегодня он остался не только без женщины, но и без завтрака.

Марину он увидел ближе к вечеру. Они с Сеней садились в серый «пежо». Она кивнула Денису, что-то сказала Гвоздю, и отвернулась.

С утра Денис уехал на экскурсию, и вернулся только к обеду. В холле отеля его ждала бледная Марина.

- Гвоздя задержали, – сказала она. – Ты должен мне помочь...

Со слов Марины получалось, что два часа назад явились какие-то люди, помахали какими-то бумажками и увезли Гвоздя, проигнорировав его вопли. Гида она найти не смогла, а в чем дело, ни она, ни Гвоздь понять не могут, потому как не говорят ни на испанском, ни даже на английском.

- Поехали, – твердила Марина, как заведенная.

– Тебе консула и адвоката надо искать, а я-то что могу сделать, – Он внимательно посмотрел на Марину. – Ладно, поехали.

В отель Денис вернулся под утро, падая с ног от усталости. Сначала пешеходно-автобусная разведка по острову, потом объяснения с испанскими блюстителями порядка, потом благодарный по гроб жизни Гвоздь, угощающий в кабаке – такое свалит с ног кого угодно.

– Брателло, я – твой должник по гроб жизни! Если б не ты, сидел бы сейчас Сеня Гвоздь в тухлой испанской кутузке... И самое обидное, за что, в натуре? Я за свой базар отвечу, но за чужой-то зачем?

Все оказалось просто как апельсин. Испанскому управлению по борьбе с наркотиками поступила информация из Интерпола, что к ним прилетает курьер с крупной партией кокаина. Точный рейс они не знали, правда, сначала подозревали рейсы KLM, делающие промежуточную посадку в Амстердаме. И еще: судя по всему, курьер будет не один, и прилетит под видом обычного туриста. Учитывая, что Гвоздь был персоной с небезупречным прошлым, его в первую очередь и пригласили побеседовать.

– И ведь ничего у этих лохов на меня не было! Но ведь им, волкам позорным, достаточно какой-то фиговины, и все, прощай виза, Испания делает Сене ручкой, – разглагольствовал Гвоздь, заказывая водки еще и еще. – А у меня тут дела, мне тут дом покупать. На Канарах я не потяну, но где-нибудь в Андалусии – вполне. А тут – прости-прощай! И чисто между нами, – он наклонился и пьяно задышал Денису в ухо, – я сам, в натуре, не без греха. Но в этом не замазан. И мне светиться в испанской полиции совсем не с руки..

В общем, Дениса допустили в качестве переводчика. Гвоздю показали фото человека, которого они задержали с грузом. И собственно, сам товар – знакомую Денису зеленую сумку, которую он грузил в самолете, а потом видел на заднем сиденье синего кабриолета, за рулем которого и сидел этот самый задержанный...

- Жалко девчонок, – подвел общий итог Сеня. – Но – дуры.

Марина иронично улыбалась и пощипывала ананас.

Утром следующего дня Денис с некоторым трудом разлепил веки. Несмотря на то, что Сеня вчера пил по преимуществу один, в голове прояснилось только после холодного душа. Денис подумал, что неплохо было бы позвонить в Москву, в «Глорию» Агееву, Демидычу или

Щербаку, узнать, как дела. Но ни один телефон не отвечал. звякнуть что ли Гордееву? А, ладно. Раздосадованный Денис отправился завтракать.

Вернувшись через двадцать минут, и еще только подходя к своему номеру, Денис услышал писк своего сотового.

– Дэн, это Гордеев. Плохие новости.

– Что случилось?

– Агеев погиб.

– Что ты такое говоришь?! Когда?

– Вчера. Я не мог дозвониться, твой телефон был отключен...

Денис сел на кровать. Агеева нет. Убит. Почему именно убит? Связано ли это с той гордеевской клиенткой? Гордеев сказал – погиб. Может случайность? Какая теперь разница. Ладно, видно будет, какая разница.

– Юрка, я вылетаю. Все. Подробности – в Москве.

## Москва. Денис Грязнов

– Юрка, я хочу знать все и немедленно! – с этими словами Денис ворвался в офис Гордеева – десятую юрконсультацию. – Он уже побывал в морге. Навестил вдову Агеева. Переговорил с совершенно потрясенным Демидычем. С дядей, который сообщил, что результаты расследования убийства Фили пока нулевые. Фили был застрелен ночью в собственной квартире; деньги, которые клиентка заплатила в качестве аванса, исчезли. И только до Щербака Денис еще не добрался – тот, по слухам, уехал в Калугу, там предложили выгодную халтуру.

– Расскажи мне все о твоей клиентке! Я должен понять, могу ли продолжать искать ее мужа или должен сосредоточиться на поисках убийцы Агеева.

– Всего я тебе рассказать не могу, я же все-таки адвокат, – сварливо напомнил Гордеев.

– Не забывай, что ты втравил нас в это дело! А теперь Филька – в морге.

– Не забывай, что ты удрал на море и свалил все на подчиненных, – огрызнулся Гордеев.

Но Денис понял, что он уже сдает позиции, и не ошибся.

– Ну, в общих чертах так. Ко мне она попала через свою кузину Жанну Соколову. Та когда-то была моей клиенткой и, кажется, осталась довольна. Зовут ее...

– Помню, – оборвал Денис, – Тамара Меньшова, дальше давай.

– Ты не гони, – возмутился адвокат. – Тоже мне, аллур, три креста! Может, у вас в «Глории» и принято горячку пороть, но ты сам видишь, что из этого...

– Юрка, заткнись и продолжай, – зашипел Денис.

– Да ладно, успокойся ты! Сядь, перестань бегать, кофе вон выпей. Значит, Тамара сказала, что нее есть любовник, в плане чего она хочет развестись с законным мужем. Поскольку и так последние несколько лет они реально вместе не живут. Она все время в Москве, у нее тут актерское агентство, а муж – бизнесмен, гоняет по всему шарикам как заведенный. Она мне даже предъявила график, сколько дней прошлым году его видела, не то двадцать, не то двадцать пять, сейчас найду блокнот...

– Да ладно, продолжай!

– Перестань меня понукать, наконец! В общем я все взвесил и сказал ей, что судиться с таким могущественным человеком как Седой в надежде при разводе оттяпать приличный кусок состояния – довольно рискованно и нужно хотя бы найти на него какой-то компромат. Она подумала и говорит: нет компромата. В смысле любовницы. Очень человек занят, деньги делает. Ну я говорю: так не бывает. А если нет женщины, то можно поискать что-то иное.

– Поискали?

– Поискали.

– Нашли?

– Нет.

– Понятно, – тяжело вздохнул Денис.

– Да ни черта тебе не понятно. Составил я кое-какое исковое заявление, показал ей, она вроде довольна, решили попробовать сперва договориться с Седым мирно, слегка его припугивая скандалом в прессе: он страсть как шумихи не любит, да и вообще светских сплетен на дух не переносит. Стала она ему звонить на спутниковый телефон – ответа нет. Может он себя в московском офисе? Тоже нет. Отвечают: сами не знаем, где Георгий Викентьевич, ему тут каждый день звонят, то из Минтопэнерго, то из американского посольства, то из аппарата вице-премьера. Нет, короче, Седого. Сел я на телефон конкретно и стал искать просто везде, где он мог оказаться по своему бизнесу. В Самаре? Нет. В Томске? Нет. В Юганске? Шиш с маслом. Короче, проверили мы с Тамарой все филиалы, все дочерние фирмы, по всему свету! Знаешь, сколько их оказалось? Шестьдесят четыре! Как шахматных клеток. Шаг за шагом все отзвонили, всюду факсы отбомбили, электронную почту отправили и сели ждать. Сутки, двое,



неделю, десять дней. Пусто. Ничего. Сгинул мужик. А найти надо. Мне знаешь, тоже гонорар терять не хочется. А для истца, то есть для Тамары, важно узнать, жив или мертв ответчик по гражданскому делу. То есть как теперь ставить вопрос: о наследстве или о разделе имущества в результате гипотетического развода? А теперь скажи, что это значит, по-твоему, когда мультимиллионеры как одуванчики улечиваются?

Через час он был в Глаголево, где в двухэтажном особняке на участке в хороший гектар заросшем сухим ельником, жила Тамара Федоровна Меньшова. Предупрежденная о приезде Дениса, она без промедления пригласила его к себе в кабинет.

Кабинет кабинетом можно было назвать с большой натяжкой. Первое, что бросалась в глаза – большая двуспальная кровать, покрытая свисающим на сверкающий паркет зеленым пледом с желтыми верблюдами.

Был тут, впрочем, и письменный стол. Он представлял собой... представлял собой... нет, Денис не мог до конца оформить свою мысль. Теннисный стол представлял собой письменный стол, вот так вернее. Добрую половину стола занимал компьютер с огромным жидкристаллическим монитором, диагональю сантиметров в семьдесят никак не меньше. На другой половине стола размещался экран поменьше и позаурядней. А также принтер, сканнер, факс, из которого свешивалась на пол немаленькая «простыня» бумаги.

Заметив слегка ошарашенный вид Дениса, Тамара Меньшова довольно усмехнулась:

– У кабинета бизнес-леди или представительницы творческой профессии должен быть самый смелый и неожиданный вид.

– А вы кто, бизнес-леди или представительница? – Он вспомнил: Гордеев сказал, что Тамара владеет актерским агентством.

– Нечто среднее, я полагаю. – И она продолжила тоном экскурсовода: – Непредсказуемое сочетание коммерческих задач и иррациональных мотивов, то что еще называют «творческим беспорядком», придает рабочим пространствам яркую индивидуальность и шарм. Это уже не кабинет, тем более, не контора, не офис в домашнем помещении, а студия, салон...

– Будуар, – подсказал Денис.

– Удобство, плюс практичность, плюс изящество – вот формула современного кабинета для деловой женщины. Людям, живущим по принципу «время – деньги», в домашнем кабинете целесообразно повторить элементы офиса и...

– Спортзала, – подсказал Денис.

– Вот именно.

Эта черноволосая женщина, лет тридцати с хвостиком (значит, на самом деле, под сорок, сообразил опытный Денис) и с немного хищным, но необыкновенно привлекательным и почему-то знакомым лицом внимательно разглядывала Дениса. Он в ответ занялся тем же. Эта дама была явно экстравагантна и внутри, и снаружи, впрочем возможно, она просто играла, кто знает, – позднее Денис убедился в том, что она приличная актриса. Сильно декольтированное черное платье без рукавов. Руки тонкие, без капли жира, но цепкие и явно привычные к тренажерам. В ушах бриллианты, нефальшивые, надо полагать. Руки – в сверкающих кольцах и браслетах. И при всем этом – никакого дурного вкуса – это была довольно изящная демонстрация роскоши.

Наконец, она сказала:

– И это лучший сыщик всех времен и народов? – Фраза прозвучала без малейшей интонации.

– Кто вам такое сказал? – удивился Денис.

– Ваш приятель и мой адвокат. Гордеев.

– Полагаю, это была шутка.

– Да? А жаль. – И снова ни малейшей эмоции в голосе. – Еще мне жаль, что так случилось с вашим другом. Агеевым, кажется? Кстати, вы знаете, что ваши сотрудники успели взять у меня аванс?

Денис мрачно кивнул.

– Но не в этом дело. Не думайте, что вы, таким образом, повязаны, или как это будет на жаргоне. Я хотела сказать, что если бы знала, что так получится, то обратилась бы в органы... Ах нет, – с досадой она оборвала сама себя и стукнула изящным кулачком по столу. – Никуда бы я не обратилась, огласка в этом деле ни к чему. Вы же в курсе обстоятельств, Гордеев рассказал? И вы вольны, разумеется, поступить по своему усмотрению – продолжать расследование или нет. Я не собираюсь требовать деньги назад. Я могу себе это позволить.

И Денис согласился. Она ему определенно нравилась. И еще казалось, что он как будто уже где-то видел ее прежде. Это не могло быть изображение в газете или на телеэкране (Денис понимал, что, будучи супругой могущественнейшего человека, она, вероятно, имела отношение к светским тусовкам), нет, это была встреча иного рода, у него хорошая зрительная память, но теперь она отчего-то подводила.

Часа за три Денис успел домчаться до Калуги. На улице Фабричной он долго и упорно звонил в квартиру 15, но никто дверь так и не открыл. Было три часа дня. И тут на лестничной площадке появился мужчина средних лет. С мусорным ведром, в советских «трениках», с оттопыренными коленями. Денис дипломатично поздоровался, спросил о Щербак. Щербак снимал здесь квартиру.

– Колькой интересуетесь? Он теперь самого Бочарова охраняет.

– И кто такой Бочаров?

– Большой человек. «Инвестсвязьбанк» возглавляет.

– Где банк находится?

– В центре. Напротив ЦУМа. У Бочарова машина приметная – шестисотый «Мерс», и номер легко запомнить: одна семерка, остальные нули. Колька, как привязанный, везде за этим Бочаровым ходит, даже в сортир его провожает. – Мужчина засмеялся. Смех его больше был похож на хрюканье.

– Спасибо за информацию, – бросил ему в спину Денис.

– Спасибо в стакан не нальешь, – ответил тот, не оборачиваясь, впрочем, без особой надежды.

Пришлось возвращаться в центр города, через который недавно уже проезжал. Картина была до смешного однообразной, повторяющейся во всех более-менее крупных городах новой России: размалеванные рекламой «ротмансов» и «кока-кол» пестрые коммерческие ларьки сменялись передвижными тележками с мороженым и горячими хот-догами. Затем тянулись огромные прозрачные витрины местных магазинов, выставлявших напоказ свои наинедоступнейшие населению товары, от аппетитных увесистых окороков до нижнего женского белья. И опять ларьки, а за ними хот-доги. И так без конца.

ЦУМ Калуги выпадал из общей панорамы новоиспеченного города. Мрачно нависал над площадью незыблемой памятью о временах энергичного строительства развитого социализма. Тогда могли возводить отдельные дома прочно, на века. Если прикажет партия. Но видно, и старикан-ЦУМ уже постепенно сдавал позиции, уподобляясь большинству своих собратьев. Кое-где выступали рекламные щиты, стекла витрин вместо привычных: парфюмерия, обувь, детская одежда – расписаны заморскими «орифлеймами», «лемонти», «найками». Ничего удивительного. Как везде. А взметнувшееся в небо новенькое здание напротив только лишний раз подчеркивало точность подобных выводов. На нем вскоре Денис увидел вывеску «Инвестсвязьбанк», успел даже притормозить и только тогда заметил выехавший из двора черный «Мерседес». Окна машины были затонированы.

«Не исключено, что Николай в тачке. Догоню», – решил Денис.

Минут через двадцать машины вырвались на простор загородной трассы. Денис прибавил скорость, сокращая расстояние, но «Мерседес» тоже держал марку. Началась гонка, которая всегда так веселила Дениса.

Восемьдесят. Девяносто. Сто.

«Форд» ястребом летел за черной жертвой, но ее неуклюжесть была обманчива. «Мерс» поднадал, сделал попытку в сильном рывке уйти далеко вперед.

Сто десять. Сто двадцать.

Но и Денис, как гвоздь, вбивал педаль газа. Расстояние между машинами все-таки сокращалось.

Сто тридцать. Сто сорок. Сто пятьдесят.

Денис, едва не задев задний бампер, обошел слева. Просто невероятная везуха – дорога опустела, словно специально подготовилась для их бешеного ралли. Денис сделал вид, что собирается обогнать, а там дело известное – перегородить трассу. Сделать, так сказать, небольшой тупичок.

За темными стеклами наверняка засуетились.

Сто шестьдесят. Сто семьдесят.

«Еще огонь откроют, – пронеслось в голове у Дениса. – Ничего, попугаю малость, а в последний момент выброшу „белый флаг“.»

«Мерс» вдруг резко свернул на второстепенную дорогу, помчался к лесу. «Форд» несколько сумел повернуть за ним лишь секунд десять спустя.

– На пикник ребятки поехали, что ли? – высказался вслух Денис и попытался прижать преследуемых к обочине. Но те явно не желали заводить знакомство, вновь оторвались и выскочили на проселок, где среди высоких сосен засветились редкими огнями особняки. Слева внезапно появилась какая-то тень и выросла до размеров черного с тонированными стеклами «Гранд-чероки». Типично бандитская машина нового поколения.

«Наверное, эскорт банкира подоспел», – решил Денис, но скорость не сбросил.

«Чероки» начал теснить «форд», выталкивая его и с без того недостаточно широкой для таких монстров дороги. Уходя от столкновения, Денис ослабил педаль газа и пропустил наседавшего соседа вперед. Но «черочки» не успокоился на достигнутом: в считанные секунды он догнал «мерс» и повторил прием, проделанный только что с «фордом».

«Да они что, охренели там все?! – Денис от удивления вскинул брови. – Между собой дерутся?» Он сбавил скорость и решил не вмешиваться.

Спустя мгновение все стало ясно. Из леса по второстепенной дороге, пересекающей основную, выехал трейлер. Перегородив своей тушей проезд, он остановился на месте, но двигатель не глушил. Одновременно у черного «чероки» полезли вниз боковые правые стекла.

«Чероки» и «мерс» неслись на трейлер и одновременно тормозили. Денис прикинул: метров сто – успеют. «Чероки» продолжал теснить машину банкира, прижимать ее к обочине. В открытых окнах появились стволы.

Денис передума, газанул и стал подъезжать.

Двадцать метров.

Десять.

Пять...

Вместе с первыми выстрелами «форд» с силой клюкнул «чероки» в задний бампер. Денис сразу же отпустил педаль газа. От удара черного монстра подкинуло вверх, опять опустило на землю и потащило на трейлер. Водитель резко, избегая столкновения, заложил вправо. Безжалостно стирая резину на покрышках, джип вылетел с дороги. Визг сменился треском ломаемого кустарника. Совсем рядом на пути оказалась огромная сосна. Со страшным грохотом и звоном вылетаемого стекла «чероки» врезался в нее и замер, намертво обняв ствол. Крышка

капота оторвалась и со свистом разрезав воздух, и шлепнувшись метрах в десяти. Внутри внедорожника кто-то надавил или упал на клаксон, и он безостановочно, пронзительно выл. Другие признаки жизни отсутствовали напрочь.

А вот грузовик пришел в движение. Взревел и стал набирать ход. Из его кабины раздались два одиноких выстрела, но пули только оцарапали крышу «мерседеса». Дверь банкировской машины распахнулась и из нее выскользнул с «макаром» в руке Коля Щербак, откатился в сторону, и не вставая, с двух рук открыл прицельный огонь. Конусообразные ядрышки впились в металл трейлера и беспомощно отскакивали.

– Дэн, тебя тут только не хватало! – орал Щербак и продолжал палить. – Вали отсюда!!!

«Форд» Дениса и «Мерс» стояли рядом с работающими вхолостую движками. Трейлер удалялся. Но почему-то не так быстро, как следовало бы. Денис понял почему, когда из-за приоткрывшейся двери появилась рука, от чего-то избавилась и спряталась обратно. (Щербак в это время менял магазин). А Денис как раз наблюдал «калужские войны» из-за своего джипа, когда к его ногам упала и закрутилась на месте граната. Он не успел ни испугаться, ни толком подумать. Рефлекторно пнул ее, сильно, словно футболист, пробивающий пенальти, носком ботинка. Граната полетела к потухшему «чероки», приземлилась в полутора метрах, благодаря уклону, лихо преодолела их и закатилась к под брюхо машины. В следующую секунду раздался взрыв.

Во второй раз за последние пять минут несчастный джип подбросило, но теперь уж выше, выбило оставшиеся целыми стекла и охватило пламенем. Одна за другой пооткрывались двери. Несмотря на оглушительный шум, поднятый стрельбой и взрывом, внутри «Мерса» не происходило никакого движения. Денис начал подозревать, а не ехал ли Ник сам, один-одинешенек. Но учитывая, что появился он с противоположной водителю стороны, отверг эту версию. Скорее всего, попутчики его по-крупному наложили в штаны и не могли пошевелиться, или же, следуя инструкции о поведении в подобных ситуациях, просто не высовывались. И были сто раз правы. Только путались бы под ногами.

Щербак, между тем, заканчивал расстрел трейлера, имеющий целью скорее отпугнуть, обратить в бегство противника, чем поразить его. После гибели «чероки» грузовик, будто сорвался с цепи, рванул с места, оставляя за собой плотные выхлопы соляры. Догонять его никто не стал. Пока доехали до дачи, опустили сумерки.

«Мерседес» остановился у ворот трехэтажного особняка. Обычный стандарт новых, но с размахом. Красный кирпич, красная же черепичная крыша, белые окна-стеклопакеты. А вот крыльцо выполнено с претензией на оригинальность. Четыре колонны в коринфском стиле, поддерживали просторный открытый балкон вместо положенной крыши античного храма. Каменные ступени вели не в обитель бога, а к массивной железной двери, темным пятном уродливо зияющей между изящными столпами.

Щербак выскочил из салона навстречу «форду», все это время сопровождавшему его сзади.

– Серьезный у меня приятель, – ухмыльнулся Денис и стал выбираться из машины с поднятыми руками. – Сдаюсь без боя! – внятно выкрикнул он.

– Денис, твою мать! Спасибо, конечно, за помощь. Но я же мог тебе башку продырявить.

– С тебя станется, – подтвердил Денис.

Дверца «Мерса» приоткрылась, низкий мужской голос спросил:

– Щербак, что им нужно?

– Вадим Валерьянович, это мой друг, – ответил Ник невидимому шефу.

– Черт, ты сначала обязанности свои выполни, а потом будешь с другом общаться, хоть до утра, – послышалось из салона.

– Дэн, пять минут подожди, – крикнул Щербак. – Хорошо?

– Только ты сразу попроси отпуск у начальника, – словно в шутку предупредил Денис.

Щербак подбежал к калитке, отворил ее, поднялся на крыльцо дома, включил свет, осмотрел дверь, отпер замок. Прошел внутрь, потом вернулся на крыльцо, крикнул:

– Все чисто!

Только после этого банкир выкарабкался из машины, переваливая массивное тело с ноги на ногу, направился к дому. Следом за ним двинулся еще один телохранитель. Вскоре особняк засветился всеми окнами, очевидно, телохранители тщательно проверяли помещение на предмет микрофонов или бомб, или чего-то там еще.

Наконец Щербак вернулся к Денису.

– Ты подвезешь меня в Калугу. Надо вещички собрать. Там есть такая Фабричная улица.

– Я знаю... Отпуск взял? – спросил Денис.

– А то.

– И он тебя отпустил?

– Нет.

– Не понял.

– Я сказал, что увольняюсь. Надоело мне это дело. И это тело! Как горькая редька! Сколько живу, никогда такого трусливого мужика не видал. Ты думаешь, Дэн, что мы сейчас в доме делаем?

– Под кроватями засаду искали, – наобум высказался Денис.

– В яблочко.

– Ладно, Коля, времени в обрез. Ты мне нужен.

– Не, Дэн, хватит с меня это коллективной беготни. Я теперь – в свободном полете. Попробовал – понравилось. Просто здесь – не слишком удачный опыт. Ну, ничего, вернусь в Москву, составлю резюме получше...

Они мчались в направлении города. Денис молчал. Щербак вдруг заметил это.

– Ты что, Дэн?

– Возвращайся в «Глорию», – простодушно попросил Денис.

Щербак засмеялся.

– Э, нет, брат, кончено. Тебя я уважаю и люблю, ты профи. Ты все равно что из наших, из МУРа. Да и ты ведь Грязнов, в конце концов. Одна фамилия чего стоит. Но с Филькой Агеевом работать больше не стану. В гробу я этих афганцев видал.

– В том-то и дело, Коля, – сумрачно кивнул Денис. – Грохнули нашего Филю.

## Николай Щербак

Ситуация была тупиковая. На настоящий момент Щербаку было ясно только, как убийца проник в квартиру к Агеевым. Вечером предыдущего дня, уезжая к матери, Филькина жена, Люся, не смогла закрыть дверь – замок намертво заклинило. Она позвонила в ЖЭК, и слесарь появился по мановению волшебной палочки. Это ее ничуть не удивило, а напротив обрадовало, поскольку Люся с дочкой опаздывали на автобус. «Слесарь» живенько все исправил и с достоинством удалился, взяв десятку на чай. Скотина, еще и червонец на этом деле не погнушался заработать. Значит, это была не случайность (что, само по себе, достаточно маловероятно), а совершенно конкретная наводка на Фильку. Заказчик Фильки – некто, противящийся поискам пропавшего супруга. Исполнитель же всунул кусок спички в замочную скважину, дождался, скажем, на верхней площадке, пока Люся будет из дома выходить, увидел, что дверь закрыть не может, вернулась, в ЖЭК позвонила, там что-то промямлили, и он через пять минут пожаловал. Спичку из замка вынул, слепок сделал и отчалил. Все.

И уж на что Люся слесаря не рассмотрела (даже фоторобот толком составить не удалось!) и то, при очной ставке со слесарями из ЖЭКа категорически заявила что ТОГО среди них нет. С уверенностью смогла только сказать, что «слесарю» было за тридцать, и еще на одной руке у него – повязка. (Повязка, естественно, легко снимается – ложная примета – трюк для дураков). Так что следов никаких. Почти никаких.

«Несколько капель молока на циновке в прихожей, – рассуждал Щербак, – так это же Люся сама могла разлить. А если нет? Что, взломщик и убийца разгуливает с пакетом молока? В качестве отвлекающего маневра? Стоп. А почему молоко? Почему не мороженное?! Если, конечно, не Люська пролила. Но она не помнит. Хотя какой теперь с нее спрос, у нее такое в голове.. Но молоко, по сути, – все, что у нас есть. Если только сам Агеев не накапал пломбиром, перед тем как был убит. Тогда на убийцу вообще ничего нет».

Светало. Щербак поежился от сырого ветра и зашвырнул в только что выдолбленную лунку еще горсть размокшей макухи, смешанной с глиной. Рыбалка – великая вещь. Особенно, когда надо расслабиться и подумать.

«Но Агеев не любил мороженое и взял бы скорее пиво, если бы потянуло на холодненькое, а его жена говорит, что тоже в последние дни мороженого не покупала, а если и покупала, то не ела дома».

Щербак открыл баночку венгерской консервированной кукурузы. Задумчиво сгрыз несколько зерен, остальное – залил ванильной эссенцией. Помешал палочкой, пахнет вроде вкусно. Забросил несколько зерен в воду. Наверное, сейчас на мелкоте мальки стаей атаковали одну срезавшуюся в полете кукурузину – а не по зубам. Подрастите пока. Щербак начал разворачивать снасти.

«Итак, этот козел имел наглость прийти к Агееву домой... Почему он, а не она? Это мы знаем. Она стульчак на унитазе поднимать бы не стала. Значит он. Пришел, забрел отлить, вынул бутылку минералки из холодильника. Видимо, и выпил ее там же. Аккуратно переворачивал стол. Забрал баксы и спокойно свалил».

Щербак неотрывно смотрел на поплавок. Тот равномерно подымался и опускался на мелкой ряби, пермежающейся льдышками. За спиной уже всходило что-то похожее на мутное солнце и даже, кажется, стало припекать в затылок. И тут первый раз клюнуло. Щербак мастерски подсек и начал медленно выбирать леску. Килограмма на полтора красавица, похоже. Осторожно подвел к самому берегу, дернул. Твою мать! Рак. Сантиметров десять вместе с хвостом и усами. Отодрал его от крючка, забросил подальше.

«Отпечатков нет, следов нет, запах, наверное, был, но сейчас уже поздно. По мороженому его тоже не отследить. Пломбир он и в Африке пломбир. Даже если напярять экспертов,

вычислить каким заводом или ЧП он изготовлен. Ну, пусть даже выясним точное название, цену и вид упаковки, купить он его мог наверняка местах в двадцати в радиусе пяти минут от дома Агеева».

Щербак вытащил уже штук пять плотвичек, и все они суетливо плескались в пластиковой бутылки из-под пепси запросто проскочив внутрь сквозь горлышко.

«Но других зацепок все равно нет. Никто из соседей никого постороннего не заметил и подозрительного тоже. Но про мороженое мы не спрашивали. Значит, как не крути, надо опросить соседей еще раз. Возможно, как раз мужик с текущим по рукам пломбиром кому-то и запомнился».

Уже начало десятого. А рыбы не прибавилось. Щербак с досадой выплеснул добычу и поехал на работу.

Во дворе, в открытом гараже, пятнадцатилетний пацан возился с мопедом. В прошлый раз он тоже возился, и в день смерти Агеева – тоже. А звали его, кажется, Лешей. Или Гошей?

– Привет, герой асфальта.

– Здравствуйте. – Пацан посмотрел внимательней. – Опять по поводу Агеева?

– По поводу.

– Я уже в прошлый раз задолбался говорить. Все рассказал, что вспомнил. Отстаньте, а?

– Отстану. Только скажи, ты в тот день человека с мороженым около подъезда видел?

Пацан задумался.

– Вообще-то... Только не около подъезда. Во дворе.

– А в дом он не заходил?

Пацан снова задумался.

– Фиг его знает.

– Понятно. Можешь описать, как он выглядел?

– Легко. Мужик не старый, не папик, короче. Двадцать пять – тридцать, где-то так. На правой руке татуировка выше... ну... ладони, прикольная: как бы волчья морда и вокруг... ну, как бы трава или палки какие-то. И цвета не зеленого, а серого.

– Чего-то ты врешь. Как это ты наколку зимой разглядел?

– Сами же сказали: мороженное мужик жрал. Не в перчатке же.

– Ладно, считай, убедил. На внутренней стороне руки или на внешней татуировка была?

– На внешней. Она, татуировка в смысле, еще забинтована была. Он руку тянул, чтобы мороженым не обделаться и повязка сползла.

– Понятно. – Щербак дал пацану блокнот. – А ну-ка нарисуй татуировку. Желательно в натуральную величину.

– Да не люблю я рисовать!

– Иди ты! Рисовать он не любит! А что же ты любишь?

– Мопед свой люблю.

– Хм... Ну ладно, вот сообрази к нему какой-нибудь прикамбас. – Щербак протянул два червонца. – А теперь рисуй давай и поталантливей.

Леша-Гоша нарисовал только растительность до боли напоминающую камыши. Вместо волчьей морды у него получилась непонятная загогулина, которую он так и подписал: «волк».

– Короче, как-то так. И это только та часть, которую из-под бинта видно было, а что там ниже, откуда мне знать...

– Ничего, сойдет, – солидно произнес Щербак. Гоготать было бы неверно с педагогической точки зрения, и со всех остальных точек неверно. Пацан явно не все еще вспомнил. – Сойдет, – повторил Щербак, – а больше никаких особых примет у него не было?

– Не-а. Вроде не было.

– А как он, вообще, выглядел? Рост, комплекция, цвет волос, и так далее?

Пацан, видимо утратив интерес к разговору, или желая скрыть стеснение, снова взялся за работу.

– Мужик как мужик. Среднего роста. Волосы темные. Увижу – узнаю, если надо. А так, как я его опишу? Лучше мозги не перегревать. А то перемешается все, что видел и чего не видел. Короче, надо будет – опознаю.

Как версию можно принять предположение, что убийца недавно сделал татуировку, которая еще не зажила. Значит надо обходить заведения специализирующиеся на татуировках, в надежде, что кто-то из мастеров вспомнит, кому недавно делал что-то похожее.

Сколько интересно таких салонов в Москве? Если этот тип вообще в Москве татуировался. Запросто мог это сделать, к примеру, в Японии или в Жмеринке. Или пять лет назад, а сейчас просто порезался или обжегся, потому и забинтовал руку. А может, это и вообще не убийца был, а просто еще один любитель мороженого...

Щербак решительно взялся за телефон – если вообще ничего не делать, решение не приблизится.

В платной справочной надиктовали шестьдесят четыре номера. Позвонив по первому, он долго в подробностях описывал татуировку, пока мастеру на том конце провода не надоело, и он не оборвал Щербака, объяснив, что волк в камышах – это кельтская татуировка, а они занимаются японскими.

И то легче. Дальше Щербак спрашивал уже только о кельтских татуировках. Но легче не оказалось. Из шестидесяти четырех салонов кельтские делали в пятидесяти двух, и все равно пришлось описывать и камыши и волка, выясняя, есть ли у них такая картинка в каталоге и делали ли они что-либо подобное в последний месяц.

После четырех часов сидения на телефоне у него было восемь адресов. Как и положено по закону подлости, первые семь оказались мимо. В одном, правда, недавно сделали нечто похожее, но не запястье, а на плече. И только в салоне «Скиф» в Оружейном переулке Щербак показали картинку, которая была действительно похожа на ту, которую изобразил Леша (или Гоша).

– Ну, а давно вы в последний раз такую делали? – поинтересовался Щербак у флегматичного мастера.

– Себе хочешь? – спросил в ответ мастер.

– Не хочу, – Щербак показал ему лицензию частного детектива. – Я ищу человека, который недавно вытатуировал себе вот это на запястье. Помните такого?

– Если вы не клиент, до свидания, – он торопливо собрал каталоги.

– А если клиент, вспомните?

Он опять вернул каталоги на стол:

– Выбирайте. За формат с сигаретную пачку от сорока баксов.

– А поменьше и... чтобы со временем смылась? – Щербак выбрал пейзаж в стиле короля Артура: меч, увитый травой и торчащий из камня.

– Пятьсот рублей. Я Роман. А ты зря стесняешься, сейчас это модно. И не только у моряков и уголовников.

– Николай, – представился в свою очередь Щербак. – Я уже не совсем в том возрасте, чтобы делать с собой все, что модно.

– СПИДа не бойся, – успокоил Роман, готовя оборудование, – гепатита и прочей «венеры» тоже. У нас все стерильно. Картинку сделаем тебе не под кожу, и сотрется она, если ты так хочешь примерно через пару месяцев.

– Точно пару месяцев?

– Ну, может полгода. Где начинать?

Щербак оголил правое плечо.



– Тут и повыше, чтобы не торчала из рукава.

Не то чтобы он разделял взгляды воинствующих фрейдистов, которые величают татуирование (в смысле сам процесс) извращенным половым актом: тут вам и фаллическая игла, и боль, и смешение краски и крови, но был убежден, что настоящий мужчина может написать на коже только группу крови. А если этот Рома после всего не сдаст убийцу!..

– Будет больно, но терпеть можно, больнее всего у сосков, на животе и ниже. Но обезболивающими в нашем деле лучше не пользоваться – анестезия, например, новокаином, закрепощает мышцы, в результате чего рисунок может оказаться «не того». Твою крошку сделаем за час, уже начинай терпеть, – мастер замолотил иглой, но Щербаку было совсем не больно, возможно оттого, что игла не врубалась под кожу, а пробивала только верхний слой. – Зато представь себе, ты на пляже, или в бане или в постели...

– Меня все-таки парень интересует, которому ты волка в камышах сделал. Он что имя свое называл, где работает? Как давно это кстати было?

– А тебе он вообще-то зачем?

– Деньги он мне должен.

– Что ты так вот и даешь каждому, даже имени не спросив? Может и мне дашь? – Роман усмехнулся, но, видя, что Щербак к шуткам не расположен, сказал: – Назвался Германом, фамилию я не спрашивал, а было это дней пятнадцать назад.

– А где живет, кем работает?

– Живет, наверное, недалеко, пришел без рекомендации, значит проходил мимо, а еще говорил, что недавно сорвал в казино пять штук зеленую за один вечер.

– В каком казино?

– В «Гран-при».

– Еще что-нибудь помнишь?

– Помню, рисунок выбирал долго, все искал, чтобы злой и наглый одновременно. Все, любуйся.

Щербак посмотрел в зеркало на покрасневшее плечо и нашел, что не так уж и плохо.

– Недели две, пока заживет, лучше вообще не трогай, достаточно смазывать кремом раз в день. Не загорать, не ходить в баню, не чесать, не царапать, не мыть. Все понял? – Роман пожал Щербаку руку. – Добро пожаловать в клуб настоящих мужчин. С нами, между прочим, Николай II, сэр Уинстон Черчилль и Альберт Эйнштейн.

В казино можно было обратиться и официальным порядком, однако, Щербак заниматься этим не стал. Во-первых, волокита, во-вторых, шансов, все равно мало: вряд ли Герман, который рискнул заявиться на квартиру Агееву за тысячей баксов, такая большая птица, что его непременно здесь знают по имени. А в-третьих, официальные переговоры пусть Денис ведет, больше толку будет и меньше мороки. А то, что этот Герман появится здесь если не сегодня, то в ближайшие дни – возможно. Проблема в том, что нет ни фотографии, ни даже сколько-нибудь толкового описания. Придется ходить по залам кругами, осматривать всех мужиков от двадцати пяти до тридцати в поисках татуировки на правом запястье.

Пять пятидолларовых фишек, выданных в качестве входного билета, Щербак разместил на сикс-лайнах – так чтобы на каждую приходилось по шесть цифр – все номера с 1 до 30. Таким образом, он заставил пять шестых поля. Выпало 29. Значит, пять долларов в плюсе. Сделал еще два хода по тому же принципу и утроил нехитрый выигрыш. Ну вот, можно сказать командировочные расходы практически окупил. Заказал джин-тонику: на человека, потягивающего через трубочку какое-нибудь пойло внимания никто не обращает, как на пустое место, он принялся совершать систематический обход заведения. Желательно было запоминать всех, кого он уже отбраковал, чтобы не тратить время на повторные перепроверки. На память Щербак не жаловался, однако, народу многовато. И задача у него посложнее, чем у

кондуктора в автобусе. В автобусе пассажиры преимущественно стоят на месте, так гораздо легче запомнить тех, кто уже купил билет.

Начал он резво, за десять минут проверил человек двадцать, но потом решил сбавить обороты. Двое из изученного контингента косились на него подозрительно. Учítывая, что публика не сплошь добропорядочная, лучше не усугублять. Сопровождаемый сверлящим взглядом «братана» с татуировкой на правом запястье он приблизился к карточному столу, изображая живейший интерес к игре («братан» активно помахивал четками и разглядеть рисунок было трудно, а цвет рисунка разобрать: синий он или серый при неестественном фиолетовом освещении, вообще невозможно, поэтому он вынужден был слишком пристально его изучать, вот и наварлся).

«Братан» подозвал двух шестерок – телохранителей, Щербак уже успел повернуться к нему спиной и отойти шагов на десять, происходящее он увидел в кривом зеркале – отражение в черных очках стоящего рядом типа. Повезло, хмыкнул он про себя, как утопленнику.

Он сел за свободное место, достал из кармана все свои фишки на полсотни баксов и почувствовал себя неуютно: соседи оперировали тысячными. Двое братанов нахально пристроились за его спиной и дышали в затылок. Видимо, так они выполняли команду «посмотреть, че этому козлу надо»: Пришлось пустить в дело НЗ – полтинник. В принципе, разобраться с этими самоуверенными наглыми придурками, которые не ждут подвоха, титанического труда не составляет, судя по тупым физиономиям, слишком медленно врубается в ситуацию, пока разберутся что к чему, будут уже недееспособны... Щербак заставил себя подавить раздражение. Скандал не нужен, вырубишь двух жлобов, набежит секьюрити, там ребята посерьезней. Потом его самого сюда не пустят, и Денису придется долго восстанавливать с казино добрососедские отношения: ловить Германа все равно нужно и ловить здесь, другой зацепки у них нет.

Фишки он попросил минимального достоинства – пятидолларовые, неизвестно, сколько братаны будут торчать за его спиной, если партнеры разойдутся, можно будет сыграть по маленькой, потянуть время. Партнеры словно слышали его мысли, а может их нервировали соглядатаи Щербака, но, сыграв без него один кон (он в это время выстраивал фишки в линию, как игрушечных солдатиков), они дружно встали.

– Еще раз добрый вечер! – Крупье очаровательно улыбнулась. – Ей было лет двадцать пять – двадцать шесть, весьма эффектна, Щербак несколько секунд откровенно ее разглядывал, предыдущую минуту он больше интересовался своими провожатыми и переживал по поводу фишек.

– Привет! Какие у вас максимальные ставки?

– Десять долларов.

Слава богу! Если раз десять раз проиграть и, скажем, пять раз при этом выиграть, то останется еще половина денег, а этим ребятам наверняка надоест. Щербак двинул свои полсотни за черту для ставок, тут же к столику подошел менеджер, Алексей Алексеев, (о чем свидетельствовала табличка на груди) и стал рядом с крупье Ольгой (о чем свидетельствовала табличка на груди).

Ольга профессиональным движением пальцев колоду размяла, разделила ее на две части, положила их на стол и безупречно выполнила трюк Скарне – половины колоды не смешались, когда она подняла карты со стола, они остались в прежнем порядке, в каком лежали в пачке. Щербак до некоторой степени понимал толк в карточном шулерстве: повторить, как Глеб Жеглов на бильярде любой трюк на бис он не мог, однако чужие финты подмечал четко.

Ольга, возможно, заметив неудовольствие на его лице, повторила фокус еще раз. Карты опять не перемешались. Она придвинула колоды к нему, предлагая снять. Щербак снял и с уважением на лице, тщательно пряча усмешку и, прощаясь с пятью сотнями, проследил, как девушка одной рукой выполнила очередной трюк: обвела снятую часть колоды вокруг остальной и вернула ее наверх.

– При шестнадцати я обязана взять еще одну карту, при семнадцати остановиться, – напомнила она на всякий случай, хотя правила стояли в рамке у него перед самым носом. Голос ее был слишком сухим. «Обидно. За стопроцентного лоха меня держит», – подумал Щербак.

Она сдала ему две карты ему и две взяла себе. Он посмотрел: восьмерка и десятка. У нее, конечно же, было больше – девятнадцать. Первая ставка упорхнула. Жлобы за спиной, наверняка скалились, но не уходили.

Она снова сдала и предложила сдвинуть. Он попросил ее положить колоду на стол, сам убрал верхнюю часть под низ и аккуратно подровнял: побаловались, и будет. Денис командировочные возмещать не станет. Ольга ничего не сказала – профессиональная этика не позволяла, но фыркнула недовольно. Откуда ни возьмись, появился менеджер Алексеев. Но скандала опять не получилось: «братан» своих шестерок неожиданно отозвал. Щербак под пристальным взглядом менеджера проиграл пять долларов, теперь уже по-честному, и отправился в дальнейший вояж по залу.

Посетителей он изучал еще больше двух часов, соблюдая сверхмаксимальную осторожность и снова маскируясь джин-тонином. Потом решил, что хватит джин-тоника, и перешел на 7-UP, жестяные банки были очень похожи, если зажать ладонью со стороны – различить невозможно...

ЕГО он встретил в клозете.

До того они пару раз сталкивались в баре: ОН постоянно глотал минералку, но правую руку держал при этом в кармане, поэтому раньше опознать не удалось.

Туалет – единственное место, где освещение было нормальным, а не фиолетовым. «Нужно было сразу занять здесь позицию, кретин, – обругал себя Щербак, – дешево и сердито». Мужик имел нездоровый вид: стоя перед зеркалом, тер красные глаза, потом жадно пил воду прямо из-под крана.

– Герман? – на всякий случай удостоверился Щербак.

Пауза, подтверждающее это предположение.

– Мы могли бы поговорить в другом месте?

– В баре.

– Нет, там много народу, а то у меня голова болит.

– Представьте, у меня тоже!

Щербак мог бы действовать и по деликатней, но не было необходимости: Германа надлежало доставить на Петровку, так что играть, входить в доверие, выманивать на улицу, везти в «Глорию», все это было излишне. Герман, видно, что-то заподозрив, поинтересовался:

– И о чем будем разговаривать?

– Об одном общем знакомом. О Агееве! – со злостью рявкнул Щербак.

– Каком еще Агееве?! – Герман дернулся, норовя сбить Щербака с ног подсечкой, но сделал это слишком непрофессионально.

Щербак легко увернулся, вправо и несильно ударил его ребром ладони по шее. Герман нелепо взмахнул руками и упал. На шум моментально примчались двое секьюрити. Щербак предъявил служебное удостоверение и при них позвонил в дежурную часть МУРа – вызвал наряд.

## Денис Грязнов

С утра Денис снова побывал у Тамары. Попросил продемонстрировать все имеющиеся записные книжки Седого, его компьютер, если таковой существовал, счета за телефонные переговоры.

За исключением последнего Дениса ждало полное фиаско. Записные книжки Седого, по словам супруги, методично сжигались, а личный компьютер существовал в виде неотлучного при Седом ноутбука. Телефонные счета же найти удалось, правда Тамара не смогла с уверенностью сказать, где были разговоры мужа, а где ее.

– Моя работа тоже заставляет много общаться, – извиняющимся тоном сообщила она. – Чтобы найти актерам хорошие контракты в нашей стране, надо сильно стараться. – Хотите выпить, Денис? – Себе она уже соорудила двойной martini со льдом.

– Не хочу. А вы сами не актриса?

– Был грех.

Вот оно что, а он ломал голову, где же видел ее прежде. Теперь все стало на свои места. Была такая многосерийная телевизионно-историческая мура, где она играла своенравную жену еще более своенравного боярина.

Счета за последний месяц были сотни на три долларов, не меньше. В основном, за счет дорогих разговоров с Америкой.

– Это точно не мои, – уверенно сказала Тамара. – Мои, по-преимуществу, европейские, а со штатниками Георгий до недавнего времени имел большие дела. Судился. Какой-то там Галенсберг, что ли, не помню.

Была еще Коста-Рика, Франция, Испания, Андорра, Саудовская Аравия, Кувейт, Украина.

– Не забывайте, что это только те разговоры, что велись с домашнего телефона, основные же – из офиса. Вы, кстати, там были уже?

– Был, – буркнул Денис. – Никто ничего не знает, не видел, в бумагах рыться не дают, спасибо, что вон не выкинули. Единственное, что я смог толком выяснить, пару недель назад туда приезжал некий человек по фамилии Аджоев и имел с Седым очень неприятный разговор. Референт сказал, что содержание разговора никому неизвестно, но что Седой распорядился впредь его больше не пускать, а сразу вызывать милицию.

– Я знаю об этом, – она кивнула. – Аджоев звонил к нам домой, я с ним говорила. Он сказал, что хочет предложить Георгию нечто очень интересное. Я передала мужу содержание разговора, после чего они, вероятно, и встретились. Видеть Аджоева я никогда не видела.

– Слава богу.

– Почему?

– Потому что я навел справки: этот Аджоев Александр Зурабович – чрезвычайно опасный тип, по некоторым данным наемный убийца и уж что он там интересное хотел предложить...

– Господи! – красиво всплеснула руками Тамара. – Так вы подозреваете, что это он похитил моего мужа?!

– У меня пока еще слишком мало данных.

В этот момент на лестнице ведущей на второй этаж появилась миниатюрная женщина в свободном зеленом платье. Во всем она представляла полную противоположность экстравагантной хозяйке дома: каштановые волосы скромно собраны в пучок на затылке, никаких драгоценностей, минимум косметики и очки с толстенными линзами. Словом, эдакая скромная мышка-учительница.

– Это моя многоюродная сестра Жанна, – тут же отозвалась на это явления Тамара. – Денис Андреевич Грязнов, которого рекомендовал нам Гордеев.

– Хотите выпить, Денис Андреевич? – первым делом спросила мышка-учительница.

– Не хочет он пить, Жанна, – я уже все про него знаю, – отрезала Тамара. – А если тебе скучно, езжай в город, проиграй в казино пару тысяч.

Мышка-учительница молча развернулась и ушла.

– Скажите, Тамара, а у вас бывали какие-нибудь приемы здесь? – спросил Денис, чтобы разрядить неловкость.

– Скорее нет, чем да. Он очень это все не любит. А если вдруг тут появлялись какие-то люди, значительные по своему статусу или количеству, то это происходило спонтанно.

– Вы можете вспомнить подобные вчера за последний месяц? По датам и по составу участников?

– Я – нет, но прислуга сможет. Я вам пришлю бумагу, когда все выясню.

– Может лучше, я сам допрошу вашу прислугу?

– Вы не доверяете моим способностям? – деланно усмехнулась она, глядя Денису прямо в глаза. И, конечно, он тут же понял, что да, не доверять – просто глупо.

– Хорошо. А могу я посмотреть дом?

– Что именно вас интересует?

– Его спальня.

– У нас общая спальня, – ответила верная жена.

Поднялись на второй этаж. Жанны там уже не было, возможно, мышка-учительница действительно укатила в Москву просаживать баксы.

Денис сам не знал уже, зачем ему была нужна эта спальня. Он неловко потоптался, открыл наудачу шкаф. Там висел целый ряд жилетов и, надо сказать впечатляющих (Денис понимал в них толк). Сперва два замшевых «трюссарди» – кирпичного и желтого оттенка, потом «ногарет», «николь» и «райфл» – красный, в зеленую строчку и полосатый. Сумма, потраченная на них, вполне могла составить двухмесячный бюджет целой семьи. Денис закрыл шкаф и вопросительно посмотрел на Тамару. На фотографиях, которые она ему показывала, Седой вовсе не производил впечатление такого пижона. Несомненно, он одевался дорого, но гораздо менее кричаще.

– Ну ладно, – сказала Тамара, – считайте, уличили. – Да, это вещи моего любовника. Наверняка Гордеев вам сказал, что я хочу развестись из-за того, что люблю другого мужчину. Какой смысл скрывать?

– Действительно никакого. Он тут у вас, кажется, надолго обосновался, – скромно заметил Денис.

– Просто он немножко стилига и всегда возит с собой целый ворох вещей.

Через два часа пообедав на скорую руку в «Русском бистро» и уже сидя у себя в «Глории» Денис набрал прямой номер начальника МУРа, который во всей Москве, кроме него знали еще несколько человек. Даже министр внутренних дел (если бы ему пришла в голову такая блажь) собственноручно дозванивался бы до Грязнова-старшего гораздо дольше. Немногим посвященным было хорошо известно: если уж Вячеслав Иванович снял трубку, значит говорить можно совершенно спокойно, не опасаясь посторонних ушей. Со своей стороны и начальник МУРа знал: если уж ему звонят по этой секретной линии, значит дело действительно важное и срочное, например, кто-то из заслуженных муровских оперов нуждается в срочном подкреплении, или Денис хочет посоветоваться, или Сашка Турецкий зовет выпить пива в обеденный перерыв.

– Дядя Слава, как жизнь, хочу посоветоваться, – выпалил Денис.

– Бери зонтик, бери, – странным голосом проскрипел дядя.

– Какой еще зонтик?! – удивился Денис. – Причем тут зонтик?

– Какой есть, такой и бери. Сегодня будет дождь... Уф! Ну наконец-то, – заговорил нормальным тембром Грязнов-старший. – Мне тут, понимаешь, барометр хитрый подарили. Я его сейчас под столом устанавливал. Японский, мерзавец. Работает с учетом индивидуальных особенностей хозяина.

– Это как?

– Существует такая продвинутая гипотеза об индивидуальном прогнозе погоды, слышал?

– Нет.

– Ну, не важно. Так что ты хотел?

– Информацию на одного человека.

– Ты же вроде руководишь сыскным агентством, – напомнил Вячеслав Иванович.

– Человек больно непростой, – вздохнул Денис. – То, что на него можно было собрать обычными средствами, в данном случае пролетает. Я вообще не могу понять, кто это такой.

– Фамилия?

– Георгий Седой.

На другом конце провода присвистнули. После некоторой паузы Вячеслав Иванович заметил:

– И ты не знаешь, кто это такой?! Ты с Луны свалился?

– С Тенерифе, – пробурчал Денис. – То, что в каждой желтой газете про него домыслов – пруд пруди, мне не поможет. Нужна информация конфиденциального характера. На него ведь наверняка что-то найдется в определенных местах, – с легким нажимом добавил он.

В трубке снова воцарилась пауза. Денис не торопился, понимая, что дядя мысленно ворошит прошлое.

– Вот что, – наконец сказал Грязнов-старший. – Сам я, слава аллаху, с ним никогда дела не имел, но думаю, что могу тебе сосватать одного человечка, который в таких вопросах весьма и весьма копенгаген. Несколько лет назад в экономическом отделе ФСБ работал Семен Школьников, очень занятный субъект. Мы с ним и с Турецким тогда одно дельце раскопали, некий такой картель, ну да неважно. Так вот, Семен потом ушел в ГУБОП и вскоре разбился на машине, а на его месте появился майор Яблонский, весьма толковый молодой человек. Думаю, найдешь с ним общий язык. Сославшись на меня, само собой. Сейчас посмотрю тебе телефончик...

Встреча с эфээсбешником состоялась три часа спустя. Яблонский, едва услышав рекомендацию начальника МУРа, пригласил Дениса к себе, на Лубянку. Особого восторга Денис от этого не испытывал, но выбирать не приходилось.

И вот, 3-й подъезд. Второй этаж. 217 кабинет.

Навстречу Денису поднялся небольшого роста молодой мужчина, пожалуй, лет тридцати с небольшим и протянул миниатюрную, но на удивление энергичную руку. Денис мельком отметил, что гражданский костюм сидел на Яблонском на редкость как-то неофициально. Да и кабинет эфээсбешника не походил на обиталище работника органов. Полки с рядами толстых глянцевых журналов. Моноблок. Несколько десятков видеокассет явно развлекательного характера.

– Рад случаю с вами познакомиться, – заявил Яблонский, поправляя на носу тонкую металлическую оправу. – Много наслышан. Будьте как дома. Чай, кофе? Что?

– Чай, кофе, – повторил Денис.

– Простите?

– Сперва чай, перед уходом – кофе.

– Разумно, – одобрил Яблонский. – Что? Да. Сперва – расслабиться, перед уходом – взбодриться. Практично. Что? Да.

«Идиот», – подумал Денис. «Или, в лучшем случае, дебил».

Яблонский набрал пару цифр на телефоне и коротко бросил в трубку:

– 01.

«Что бы это значило? – подумал Денис. – Пожарную команду вызывает? Нет, все-таки идиот».

– Простите за нескромность... Вы сказали, что много обо мне слышали, или мне показалось?

Яблонский кивнул, воинственно поблескивая очками.

– И не пытайте! У меня свои источники. Ну, так чем я могу...

– Насколько я понимаю, вы специалист по олигархам, а меня как раз интересует один из них.

– Я не – специалист, – немедленно поправил Яблонский. – Просто я всего лишь возглавляю отделение экономического отдела центрального аппарата ФСБ, где трудится много талантливых людей. А мои скромные знания – сумма их значительных усилий. Что? Да.

Дверь открылась, и на пороге показалась тележка. А на ней... Денис на секунду остолбенел. Скромное разнообразие закусок (копченая семга, икра обоих цветов, кокотницы с жульенами) венчала запотевшая бутылка смирновской «рябины на коньяке». На нижнем отделении столика в окружении дымящихся чайника и кофейника, пригорюнилась крохотная бутылка ликера. Эстет, ничего не скажешь. Впрочем, кто эстет? Денис поднял взгляд и только сейчас сообразил, что не самое же собой это все вкатилось. Тележку придерживала барышня лет двадцати пяти с короткими рыжими волосами, ехидным взглядом кошачьих глаз и округлостями в нужных местах. Барышня была облачена в деловой брючный костюм в елочку, который носила, надо признать с немалым достоинством, нежели хозяин кабинета. «Вот, значит, что означало это „01“. Интересно, а что же будет 02»?

– Капитолина Алексеевна, – отрекомендовал Яблонский. – Моя сотрудница. Иногда милостливо выполняет функции секретарши. – Уж составьте компанию, Денис Андреевич. Когда мне говорят, что будут и чай, и кофе, склонен предположить за этим нечто большее. Что? Да.

Капитолина Алексеевна не ограничилась функциями секретарши. Она разлила «смирновку» по рюмкам, передислоцировала закуску на подносе прямо на журнальный столик, словом создала массу мелких бытовых удобств, но от этого ощущение какой-то неловкости, по-прежнему витавшее в воздухе, ни на йоту не изменилось.

«За что же с ними пить? За ирригацию Узбекистана, что ли? Эх, сюда бы дядю моего, или Турецкого, вот те бы из этого застолья выжали по максимуму».

– За неформальное сотрудничество, – не то провозгласил, не то посоветовался Яблонский.

Чокнулись. Выпили. Капитолина Алексеевна подвинула Денису оперативно подготовленный бутерброд с икрой. Денис благодарно принял его и вспомнил слова Турецкого: «нет человека искреннего, если нет человека пьющего». Что-то сегодня ему все Александр Борисович вспоминался. На секунду у Дениса возникло ощущение deja vu. Словно это уже все было. Словно он сидел где-то рядом с этой блондинкой, и она кормила его бутербродом из своих изящных пальчиков...

Да нет, глупости. Учитывая, как редко он пьет, учитывая профессиональную фотографическую память на лица. Не было такого. Не видал он ее прежде никогда.

– Господин Грязнов возглавляет частное сыскное агентство, – сказал Яблонский своей сотруднице. – И кажется, у него есть к нам вопросы. Что?

При этих словах глаза ее слегка сверкнули, впрочем, возможно, Денису и показалось. Вот ведь какая цыпа. Тут у кого хочешь ум за разум заскочит.

– Мне нужна информация о Георгии Седом. Любого характера. Все, что сможете предоставить. Буду весьма признателен. В первую очередь, я интересуюсь, конечно, его бизнесом. Так сказать, деловая карьера и все такое прочее. В общем, вам виднее.

– Вы что, Денис, газет не читаете? – спросила рыжая гэбэшница.

– Газеты меня в данном случае не совсем устраивают. Наша пресса отменно врет во всем, что касается большого бизнеса. Впрочем, если и не во всем, то чтобы разобраться, надо обладать отменной квалификацией или работать в вашем отделе. А мы, все-таки, простые сыщики...

– Не скромничайте, – заметил Яблонский. – А впрочем, насчет газет вы правы. Насколько я знаю, они даже не смогли ни разу напечатать настоящей фотографии Седого. Капитолина, подумай, чем мы можем помочь коллеге.

– Но вы все-таки посмотрите сегодняшнюю прессу, – заупрямилась Капитолина. – Там есть нечто весьма интересное.

– Когда мне ожидать от вас сообщения?

– Дня через три, – подумав, предположила Капитолина.

– Так долго? – удивился даже Яблонский. – У нас же все наверняка систематизировано. Чтобы составить нужное резюме, много времени не потребуется...

– Тогда послезавтра, – выдавила Капитолина. – Во второй половине дня. Денис Андреевич, оставьте свой электронный адрес.

– Стоит ли такую информацию доверять рассылке через Интернет? – удивился теперь и Денис. – Ведь всем известно, что электронная почта перлюстрируется. Вашими же, кстати, коллегами. Не лучше ли будет мне снова подъехать сюда, на Лубянку? Или, если это кого-то компрометирует, назначим встречу в городе, я могу прислать курьера.

– Я позвоню, – после паузы с явной неохотой сообщила Капитолина.

– Договорились.

Денис извинился и вышел в туалет. Дверь за ним закрылась неплотно, и он сделал шаг назад, потянул ее снова, при этом механически выглянув в коридор. В этот самый миг из кабинета 217 вышла Капитолина, вытащила из карман пиджака крошечный сотовый телефон, нажала какие-то кнопки и стала что-то нашептывать.

«Что за черт, вот странная девица, – подумал Денис. – Почему она тратит деньги, а не говорит по нормальному телефону, из кабинета шефа? Просто пижонит? Как это свойственно многим молодым обладателям „мобил“? Вряд ли. Сейчас ее никто не видит. Значит, разговор срочный, раз позвонила она, едва выпрыгнув из кабинет. Уж не по моему ли поводу? Очень похоже. С другой стороны, что тут такого особенного в моем случае? Что ей от того, что ее шеф делится со мной информацией? Вряд ли, скорее всего с подружкой трепется...»

В эту секунду Капитолина прошелестела мимо мужского туалета, и до Денисова уха долетел обрывок фразы:

– ... Я смогла оттянуть лишь до послеза... – И она стремительно скрылась за поворотом коридора.

«Она, видите ли, смогла оттянуть лишь до послезавтра! С таким скрипом, с такой явной неохотой она... словно действительно время тянула. Конечно, тянула, теперь это кажется очевидным. Но зачем, почему? Разве только она на кого-то работает и должна была в обязательном порядке успеть сообщить своему работодателю, что появился частный сыщик, который составляет биографию и портрет Седого. И тогда этот кто-то даст команду, какую именно информацию мне подсунуть? Возможно, информация будет туфтой, и значит, эту туфту еще надо успеть искусно изготовить...

А что, весьма правдоподобно.

Но на кого же Капитолина может работать... Яблонский тут ни при чем, это очевидно. Значит, кто-то со стороны. А что, если сам Седой?!» – Денис даже вздрогнул от этой последней



мысли. «Да почему бы и нет? Или... его похитители? Тоже может быть. Надо бы установить за ней „наружку“ и тогда... Да, но нельзя терять время. Капитолина попытается связаться со своим боссом сегодня же, и пока я буду решать, кого в качестве „топтуна“ к ней приставить... Решено. Начинаю следить сам. И немедленно. Может, я все насочинял, ну что ж, тогда просто потеряю один вечер, но если нет, то результат может оказаться весьма впечатляющим».

Когда Денис вернулся, зайдя на этот раз в кабинет 217 без стука, застал Яблонского, разговаривающего по телефону. Капитолины не было. Тележки тоже. Яблонский оглянулся на Дениса, сделал взмах рукой, ничего мол, сейчас договорю, не обращай внимания... Впрочем, Денису показалось, что Яблонский не в восторге, от того, что Грязнов-младший застал его за этим разговором.

– ... Что? Да. Сейчас посмотрю инструкцию, что Капитолина составила. Так сейчас, пожалуй, самое время начать зарабатывать на государственном долге. Доходность трех-четырехлетних бумаг достигла 62% годовых, и в ближайшие дни можно ожидать коррекции и роста цен. Точно. Однако, вряд ли он будет длительным и доходность вновь опустится до 52—55% годовых. И вот тогда следует фиксировать прибыль. Что значит как? Продавать «длинные» выпуски облигаций, доходность которых в краткосрочной перспективе не может опуститься ниже указанного уровня. Что? Да. Что касается рынка корпоративных бумаг, то он остается очень нервным, котировки сильно колеблются. В ближайшие дни сохранится тенденция к снижению котировок. Так что следует просто ждать, или зафиксировать прибыль по нынешним ценам на акции. Что? Да. – Он положил трубку и развел руками. – Зарабатываем потихоньку, как можем.

Капитолина вышла из 3-го подъезда в 19.35. За это время Денис после недолгих рассуждений успел позвонить знакомому брокеру. И попросил купить для него четырехлетние государственные бумаги.

– Хочешь попытаться заработать на внешнем долге? – хмыкнул брокер. – Дэн, ты с ума сошел! Во-первых, ты никогда не играл на бирже, чтобы принимать такие ответственные решения. Во-вторых, спросил бы у меня по-дружески, я бы подсказал.

– Ну подскажи.

– Ради бога! Дэн, не суйся к госбумагам, возьми лучше корпоративные.

– Нет, сделай, как я сказал.

– Ты сумасшедший! Влетишь. И я буду виноват.

– Если ты не можешь, я попрошу кого-нибудь еще.

– Да ладно, фиг с тобой. На какую сумму?

Денис на секунду задумался. Потом внутренне махнул рукой. Присовокупил к гонорару «Клифланда» значительную часть денег Меньшовой.

– Десять тысяч долларов. Покупай «длинные» выпуски облигаций, доходность которых в ближайшую неделю не может опуститься ниже указанного уровня.

– Дальше что?

– Тогда фиксируй прибыль.

Брокер помолчал, потом спросил:

– Тебя кто-то консультирует? Ты где таких слов набрался?

Сидя в машине, Денис изучил пять сегодняшних газет, среди которых самой интересной оказались «Ведомости». На первой полосе деловой газеты был приметно анонсирован материал, основная часть которого располагалась уже на пятой полосе. Очевидно, на эту информацию и намекала секретарша Яблонского.

## «Стервятник» улетел

Похоже, завершился один из самых громких и затяжных скандалов в пока еще не долгой истории акционерных взаимоотношений в России. НК «БАНАУС» выкупила...

«Что значит НК?... А ну да, – „нефтяная компания“»

...НК «БАНАУС» выкупила акции своих дочерних предприятий у американского миллиардера Дирка Гилленсбурга, который в течение двух лет препятствовал консолидации этой компании, выступая под флагом борьбы за права мелких держателей акций.

Гилленсбург – известный на Западе «стервятник». Этим термином там принято обозначать предпринимателей, которые приобретают небольшие пакеты акций компаний и разворачивают в них деструктивную деятельность...

«Господи, да зачем?!»

...и разворачивают в них деструктивную деятельность с тем, чтобы заставить основных владельцев выкупить у них эти акции по гораздо более высокой цене.

«Остроумно! Нагло и остроумно».

...Обычно, если «стервятник» – высокий профессионал, это операции приносят высокий доход. Еще во времена ваучерной приватизации несколько принадлежащих Гилленсбургу оффшорных фирм скупили акции трех добывающих предприятий «БАНАУСа» – «Юганскнефтегаза» (45—25%), «Самарнефтегаза» (24—25%) и «Томскнефти» (24%). Долгое время эти фирмы никак не проявляли себя в качестве акционеров. Все началось, когда два года назад хозяин «БАНАУСа» Георгий Седой взялся за централизацию товарных и финансовых потоков предприятий холдинга с прицелом на последующий перевод их на единую акцию. Представители Гилленсбурга моментально развернули войну против этих планов, действуя параллельно в информационном, судебном и акционерном полях. Пафос их выступлений состоял в том, что «БАНАУС» ущемляет права малых акционеров своих дочерних предприятий. Лоббировали они и в органах власти и даже добивались временной поддержки бывшего главы ФКЦБ.

Вместе с тем, в конфиденциальном порядке представители Гилленсбурга делали «БАНАУСу» предложения по выкупу принадлежащих им акций. И вот сделка состоялась. Как сообщила вчера лондонская Financial Times, Гилленсбург скоро объявит о продаже «БАНАУСу» принадлежащих ему акций «Юганскнефтегаза», «Самарнефтегаза» и «Томскнефти». Размер сделки английским журналистам пока неизвестен, однако, по сведениям газеты, она «превзойдет стоимость всего „БАНАУСа“, которая на начало прошлой недели оценивалась в 800 млн долларов».

В «БАНАУСе» ситуацию комментировать отказались.

Ну что ж, информации добавилось, но теперь, похоже, нужен квалифицированный финансовый консультант, чтобы разобраться во всех этих хитросплетениях.

## **Магнитофонная запись допроса гр-на Воробьева, задержанного по подозрению в убийстве сотрудника частного сыскного агентства Филиппа Агеева**

*Оперуполномоченный: Сначала познакомимся. Я – старший оперуполномоченный МУРа капитан Архипов. Допрашиваю вас, согласно статье 51 УПК, в качестве подозреваемого. Теперь заполним ваши анкетные данные. Фамилия, имя, отчество?*

Воробьев: Воробьев Герман Андреевич. В портмоне, которое у меня изъяли при задержании, и которое лежит на соседнем столе, есть несколько моих визиток. Возьмите себе одну, считайте, что я вам ее вручил. Дайте воды.

Архипов: Подождите минуточку. Место жительства?

Воробьев: Москва, четвертый Новомихайловский проезд, дом 7, квартира 15.

Архипов: Род ваших занятий?

Воробьев: Временно не работаю. И долго еще не смогу. Потому что ваш коллега Щербак долго бил меня по голове. Прошу занести это в протокол. Прежде чем отвечать на дальнейшие вопросы, я хотел бы написать жалобу по этому поводу. Да, и дайте мне воды!

Архипов: Щербак не наш коллега! Он сотрудник частного детективного агентства «Глория», то есть частное лицо. Жалобу на его действия можно писать разве что его начальству, но вряд ли это вас удовлетворит, гражданин Воробьев, поскольку начальник Щербака такое же точно частное лицо. Можете написать заявление в милицию, на мое имя, чтобы избежать лишней волокиты. Однако, все это пустой перевод бумаги: свидетелей инцидента между вами и Щербаком нет, его слово против вашего. С той разницей, что он в высшей мере законопослушный гражданин, о чем у него есть соответствующая бумага, дающая право работать частным детективом, а вы, Герман Андреевич, просто гражданин, причем задержанный по подозрению в совершении тяжких преступлений. Я достаточно ясно излагаю?

Воробьев: Недостаточно. Дайте мне бумагу и ручку, я напишу заявление, а потом продолжите допрос.

Архипов: Нет. Поскольку Щербак, как я вам уже объяснил, не является сотрудником правоохранительных органов, мы не обязаны рассматривать ваше заявление в первоочередном порядке. Напишите его в камере. Вы знали другого сотрудника «Глории» – Агеева? Посмотрите на фотографию... Узнаете?

Воробьев: Нет.

Архипов: И никогда не бывали у него дома по адресу: Южнопортовая улица, 15, квартира 38?

Воробьев: Нет, никогда не бывал. Дайте еще воды.

Архипов: Например, позавчера?

Воробьев: «Никогда» включает позавчера.

Архипов: Может у вас, Воробьев, случаются провалы в памяти? Вы хорошо помните, что делали позавчера между 14.30 и 15 часами?

Воробьев: Раньше у меня провалов в памяти не случалось. Но после того как этот дуболом Щербак несколько раз ударил меня по голове, я уже ни в чем не уверен.

Архипов: В частности, в том, что не знали Агеева и не бывали у него на квартире?

Воробьев: Нет, в этом я уверен по-прежнему.

Архипов: А чем вы все-таки занимались позавчера между 14.30 и 15 часами?

Воробьев: Убирал в квартире.

Архипов: Как вы объясните тот факт, что вас в это время видели примерно в двадцати километрах от вашей квартиры, около дома, где проживает Агеев?

Воробьев: Ошибка!

Архипов: Ошибка?

Воробьев: Да. Либо чья-то сознательная мистификация. Дайте, еще воды, пожалуйста!

Архипов: Вы ели мороженое, поэтому вас запомнили свидетели. Капли мороженого обнаружены на пороге квартиры Агеева...

Воробьев: Простите, снаружи или изнутри?

Архипов: Снаружи и внутри. А еще внутри присутствуют следы незаконного проникновения, отсутствует тысяча долларов, полученная Агеевым в качестве аванса от клиента накануне и револьвер «бульдог». Чему есть документальное подтверждение...

Воробьев: Прошу прощения, не расслышал. Последнее время у меня случаются спазмы. Так чему есть документальное подтверждение? И воды, если можно.

Архипов: Вы что-то слишком много пьете, Воробьев:

Воробьев: Мое дело, сколько хочу, столько и пью! Понятия не имею про вашего Агеева! Никогда о нем не слышал!

Архипов: И Щербак вас о нем не спрашивал?

## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.